

РОСТЕР

3 МАРТ 1977

КОСТЕР

3
МАРТ
1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© «Костер», 1977 г.

Поздравляем с праздником

Рисунок Т. Оболенской

8 Марта!

Вам, девочки, это диковинно, странно,
не верят сердца и глаза:
у ваших мальчишек,
у ваших тиранов
иная пошла полоса.

Подножки, тычки отпускали без счета,
бесились: «Эй, куча-мала!»
И вот — откололись.
Дичатся чего-то.
Свои у них нынче дела.

О чем-то своем рассуждают в сторонке.
Тычка не подарит никто.
Для них вы уже не малявки-девчонки.
Уже не девчонки, — но кто?

Поймут они это со временем сами.
Поймете и вы — но не вдруг.
Еще не заслужено ими и вами
счастливое звание — друг.

В себя заглянуть
и в себе разобраться
им тоже не просто сейчас.
Ведь нужно достойными вас оказаться,
не нынешних — будущих вас!

Нелепо смущаясь порой без причины,
порой без причины грубя,
уже не мальчишки,
еще не мужчины,
в себе они ищут себя.

Привычного круг им становится тесен,
тревожит настойчивый зов
каких-то еще не услышанных песен,
еще не увиденных снов.

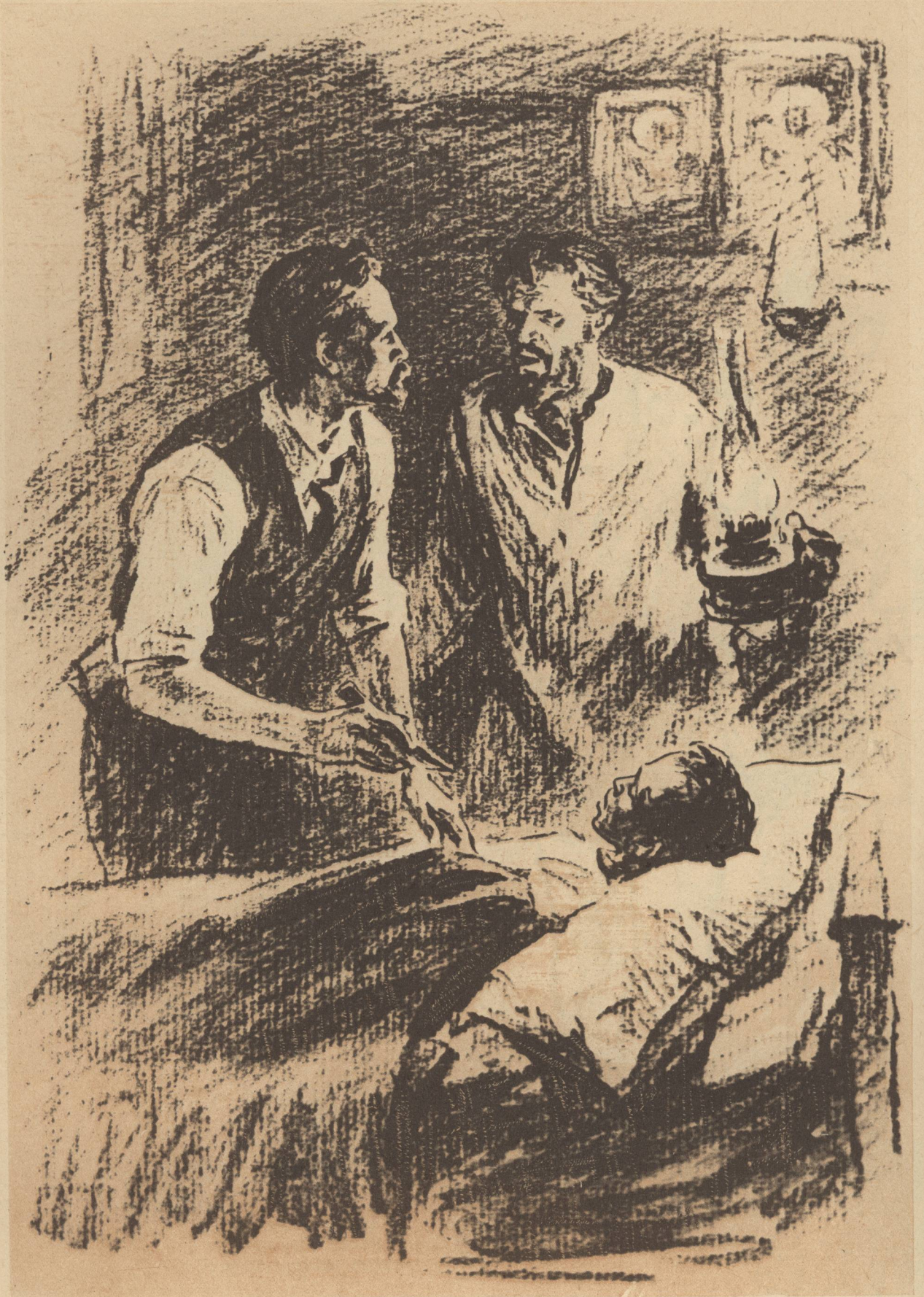
Такое же — верно? —
и с вами со всеми
творится в глубинах сердец...
Не дуйтесь на мальчиков.
Дайте им время
перебродить наконец.

Шумливость унять
и задора излишек,
услышать души голоса...

У будущих рыцарей,
бывших мальчишек
такая пошла полоса!

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ГЛАВНЫЙ ДОКТОР РЕСПУБЛИКИ

С. ЛАСКИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Лаврухина

КАЗАНЬ

Эту ночь Семашко спал плохо. Что будет? Как пройдет демонстрация?

Поднялся, распахнул окно, — душно в комнате.

Июльский ветерок всколыхнул занавеску. Он так и остался стоять у окна, упираясь руками о подоконник, разглядывая нежаркое, встающее над домами, спокойное солнце.

Прошедшие три года в Ельце, думал он, это пустяк. Ельца больше не будет. Ему грозит более жестокая ссылка.

Он вспомнил молодого, широкоскулого, горячего Ахмеда Муратова, улыбнулся, покачал головой.

— Мой не хочет с этим согласен! — кричал Ахмед, тыча пальцем в Семашко. — Николай не должен идти сам! Голова ты. Возьмут голову — нам всем конец будет.

— Но как же так? Вы пойдете, а я дома?

— Тогда не первым иди, — просил Ахмед. — В рядах иди.

...Семашко съел кусок конины — самое дешевое мясо, каким питался последнее время — и выскочил на улицу. Он обязан готовиться ко всему. Четыре месяца назад в Петербурге была разогнана, исхлестана нагайками, такая же, как у них, студенческая демонстрация. И песня, которая была сочинена в Петербурге, добралась до них. Вчера, сидя в сарае, они негромко ее пели.

Нагаеч... нагаеч...

нагаечка моя,

Вспомни ты, нагаечка,

восемь февраля.

Он повторил про себя слова, поцокивая, словно подражая топоту скачущих лошадей.

...От дома до Алафузовского завода было полчаса ходьбы, а там — назад, к центру.

Семашко уже полюбил Казань, свыкся с ее грязью, с непросыхающими после дождя лужами; со счастливыми свиньями, дремлющими в этих лужах, со скрипучими телегами татар-барабузов, готовыми за две-три копейки довести человека в какую угодно деревню.

Но было в Казани и другое, чем Семашко дорожил всерьез: университет.

Он учился на пятом курсе, и до диплома осталось полгода. А дальше — ты врач, независимый человек.

Он невольно вспомнил просьбу Ахмеда — побережь себя, и пошел быстрее.

Улица нагревалась. День обещал быть сухим и жарким.

Утренние прохожие, спешившие на базар, — татары с глиняными горшками, бабы с подояниками, оборачивались ему вслед, думая, какой прошел беззаботный, веселый человек в косоворотке, таких не часто увидишь в их спящем городе.

С раннего утра к запертым воротам Алафузовского завода торопились студенты и рабочие.

— Куды это они? — недоумевала, выглядывая из собственного палисадника, краснолицая и толстая, как самоварная кукла, купчиха.

На колокольне ближайшей церкви вначале тихо, затем громче и громче зазвонили колокола. Купчиха сладко зевнула и перекрестила рот.

— Шастают и шастают, — проворчала она. — А все спят в это время.

Она повернулась и, покачиваясь, пошла в дом «соснуть, как нормальные люди».

Но не спали в то утро не только студенты университета и рабочие казанских заводов.

Не спали и полиция и жандармы.

Не спал даже сам губернатор.

Не спали шпики. Они успели предупредить жандармов о намечающемся в Казани бунте.

Не спали отцы и матери студентов и рабочих. Известно, что отцы и матери не могут заснуть в те ночи, когда их детям угрожает опасность.

— Полиция! Конная полиция!

Колонна демонстрантов разорвалась в самой середине. Передние бросились по Николаевской, задние — в ближайший проулок.

Казаки мчались с двух сторон. Им нужно было оторвать «голову» от «хвоста», загнать зачинщиков в каменный двор.

Семашко видел, как Ахмед поднял красное знамя и теперь стоял неподвижно в воротах дома. Он был бледен, но тверд, будто бы дерево, вросшее корнями в эту землю.

Нагайка хлестнула по знамени, разорвала его в клочья. Ахмед качнулся, — на несколько секунд Семашко потерял его из виду. Он стал пробиваться к товарищу, но казаки прижимали все плотнее и плотнее людей к забору. Кони ржали, вставали на дыбы. Люди пятились, спасаясь от копыт.

Окровавленный Ахмед снова возник в толпе с древком от знамени.

Женские руки, защищаясь, взметнулись в воздухе.

Семашко увидел ужас в незнакомых мальчишеских глазах.

Открытый рот.

Растрепавшиеся волосы.

Красную полосу на девичьем лице.

Семашко схватил ногу жандарма в стремени, с силой повернул ее, поднял на вытянутые руки и скинул жандарма с седла.

Тугая теплая плеть обвила его лицо, обожгла плечо. Рука повисла. Ноги отяжелели, стали ватными.

Последнее, что увидел Семашко, было копыто коня, оскаленные желтые его зубы, сверкающий, сумасшедший лошадиный глаз и счастливое юношеское лицо казака с поднятой нагайкой.

Небо поплыло в сторону. Качнулось. И, падая, Семашко почувствовал, что у самого его лица опустилось, вошло глубоко в грязь тяжелое, кованое копыто лошади.

Суда не было.

«Меченому» студенту Семашко был зачитан приговор: он не имел права жить в университетских и промышленных городах.

Значит — «вечный студент». Не исключен, но лишен возможности заниматься.

Но ведь осенью, всего через три-четыре месяца он должен был сдавать государственный экзамен.

Теперь на вечерних казанских улицах можно было увидеть странного человека. В темных очках, с длинной дьяческой бороденкой, со старым зонтиком шагал человек по улице. Лет ему было пятьдесят или больше. Но иногда перед лужей человек разбегался и, как юноша, легко пролетал метра два.

Говорили о нем разное. Одни утверждали, что он турок-алхимик, искатель золота. Другие, что он звездочет и гадалщик. Не зря человек поселился на кладбище и там до глубокой ночи роется в странных и толстых книгах.

Говорили, кладбищенский сторож как-то подглядел, что этот человек читает. И ужаснулся. На каждой странице его книги были нарисованы скелеты или даже худшая гадость, и сторож вконец перепугался. Он бы отказал человеку в постое, но тот нехудо платил за комнату в кладбищенской сторожке, а кто еще станет жить на кладбище в наше беспокойное время. Да и в спокойное кто станет?!

Тем временем человек подходил к университету, здоровался со швейцаром и шел быстрым

шагом по длинному коридору. Он знал здесь всех, это точно.

Перед глухой высокой дверью странный гость снимал шляпу, прятал синие очки в портфель, отклеивал бородку, причесывался и осторожно стучался.

Сегодня его ждал профессор Даршкевич, ученый с мировым именем, человек добрый, честный.

— А вот, наконец, и вы! — радовался Даршкевич, выходя из-за стола и пожимая руку Семашко. — Я уже волновался. Как бы вас не перехватили жандармы.

Он глядел на любимого ученика, а потом говорил серьезнее и строже.

— Ну-с, дорогой мой, готовы ли вы отвечать по моему предмету?

— На кладбище, где я живу, так тихо и так хорошо заниматься, — смеялся Семашко, — что я мог бы давно сдать все экзамены.

— Проверим, проверим, — потирал руки профессор.

Семашко брал билет и начинал отвечать.

Вначале Даршкевич слушал спокойно. Потом — удивлялся. Потом начинал спорить с Семашко, — такими серьезными оказывались познания у студента в его предмете.

Иногда Даршкевич вскакивал со своего места и ходил по комнате.

— Спасибо, — говорил Даршкевич. — Я вами очень доволен. Вы, дорогой мой, далеко пойдете.

А Семашко грустно шутил:

— Сейчас я пойду к себе на кладбище, профессор.

Осенью 1901 года профессора Казанского университета вручили Николаю Александровичу Семашко диплом.

На красивой гербовой бумаге было отпечатано, что Семашко Н. А. присваивается звание врача-лечебника. Дальше шли подписи невропатолога Даршкевича, гигиениста Капустина, хирурга Разумовского.

А чуть выше было написано, что Государственные экзамены были сданы Семашко с отличием.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Проводник ждал, когда пассажир выйдет, передал ему чемодан.

Состав медленно стал набирать скорость.

Семашко огляделся. Кажется, он здесь один. Никого. Тихо. Куда же идти? Где достать извозчика?

В темноте он едва различил станционный домик. Натянул глубже шляпу, застегнул пальто — зябко, сыро.

Шел мелкий, косой дождь. Лицо сразу же стало мокрым. Лужи хлюпали под ногами. Земля была вязкой, жирной, он чувствовал, как липнет грязь к его подошвам. Хорошей погоды, видно, давно не было.

В зале ожидания — ни души. Темно. Холодно. Против дверей, под самым потолком, дрожит, едва освещая угол, слабенький огонек.

Семашко поставил чемодан, присел. Винить, что его не встретили, некого. Не писал точного дня приезда, не дал телеграммы. Решил перехитрить других, приехать в село незаметно, подготовить квартиру для жены и дочери — хочется, чтобы им было здесь хорошо и уютно, сколько они помытарствовали! — а выходит, перехитрил сам себя.

Огонек керосиновой лампы стал мелко дрожать и погас.

Семашко походил из угла в угол — знобило! — похлопал себя ладонями по плечам, теплее не становилось.

«Нужно что-то делать, — подумал Семашко. — Искать станционного служащего».

Заметил еще одну дверь в зале, постучал. Никого.

Постучал снова.

Теперь кто-то в роде бы приближался, в сенях зашаркали валенки.

Звякнула цепочка. И Семашко увидел горящую свечу, из-за которой пристально глядели на него усталые, немолодые глаза.

— Что вам, господин хороший? — спросил человек хриплым голосом. Поднял свечу и обвел вокруг лица Семашко, точно пытался узнать в ночном посетителе кого-то из знакомых. Не узнал. Вздыхнул только.

— Нельзя ли света достать?

Взгляд у служителя был тяжелый. Он прошел мимо Семашко, поднялся на лавку и показал лампу.

— Керосин кончился. Нету больше. Скоро уже рассветет.

И пошел обратно. Не закрыл дверь, а задержался у входа.

— Может, на кухне побудете? Там теплее...

Николай Александрович медленно двигался по заставленным, захламленным сеням. На стенах висели корыта, хомуты, сбруя, а у вторых дверей возвышалась поленница мелко наколотых дров.

На кухне тоже было нище и голо. Большой стол, сколоченный из струганых досок, да две или три табуретки. Напротив глядело на Семашко жерло протопленной русской печи, слабые угольки теплились в ней.

Николай Александрович повесил на гвоздь пальто, набросил шляпу, прильнул к широкой и теплой стенке. Хорошо! Тело сладко заныло.

— В горницу, господин хороший, пустить не смогу... У нас там...

Не договорил. Махнул рукой.

— Спасибо, — сказал Семашко. — Мне и здесь хорошо. Главное, вас не стеснить...

Он перенес табуретку к печке, прикорнул. Славно! Глаза сами слипаются — нелегкий и неблизкий был для него путь.

Приснилась ему дорога в ухабах и колдобинах. Он в валкой телеге. Набежали откуда-то жандармы с саблями, стали ворошить сено,

искать какого-то мальчика. «Здесь он должен быть! — кричали они. — Здесь!»

Семашко открыл глаза, вытер вспотевшее лицо и сразу услышал за стеной слабый и протяжный стон. Кто это? Ребенок? Птица?

За окном чуть рассвело, и теперь Николай Александрович действительно различил высокие сосны и тонкую, поблескивающую серебром полосу лесной дороги.

Стон повторился.

Семашко шагнул к двери, но отворить не решился — стон мог быть случайным: лег неудобно, приснилось что-нибудь страшное.

Он вернулся назад, попытался задремать снова.

«Нет, это больной», — думал Семашко, невольно вслушиваясь в тяжелый судорожный кашель за стенкой.

— Пи-ить! Пи-и-ить, мамка!

Ребенок!

Семашко решительно подошел к двери, открыл ее. В углу большой горницы теплилась лампадка. Тусклый свет обозначил сгорбившиеся, склоненные над кроватью фигуры взрослых, отца и матери.

На скрип двери отец отодвинулся немного, и Семашко увидел мальчика. Он полусидел в подушках, ловил ртом воздух.

«Это очень больной ребенок, — сразу подумал Семашко. — Только чем же помочь? Без лекарств, без инструментов? Может, лучше молчать? Дождаться рассвета, а тогда уж в больницу...»

— Пи-ить!

— Пей, пей, — сказал отец. — Пей, Федька. Пей, если хочешь.

Кашель разрывал грудь мальчика.

«Что с ним такое? — думал Семашко. — Астма? Нет. На астму это не похоже. При астме другой выдох...»

«Такого дыхания я никогда не слышал. — Он походил по кухне, остановился. — Странное дыхание, — повторил он. — Нужно бы войти и осмотреть ребенка. Промедление может быть опасным...»

Он постучал, еще не понимая, чем же может быть полезен больному.

Ему не ответили.

Тогда Николай Александрович надавил на дверь и вошел в горницу. На полу, оказывается, спали еще дети.

— Зачем пустил чужого?! — сказала жена. — Других жалеешь. А нас кто пожалел?

Семашко приблизился к кровати. И тут ясная догадка будто бы обожгла его: «Это же круп! Дифтерия! Значит — отек горла!»

Он передохнул. Ему стало страшно.

«Если сейчас не помочь ребенку, — понял он, — мальчик погибнет».

— Я врач, — сказал Семашко.

Они будто не слышали его, оглохли.

На часах было пять. Светает теперь поздно, и откладывать на утро нельзя.

— Пустите! Пустите меня! — метался мальчик. — Я побегу! Я на речку... Мне жарко!

Семашко опустил ладонь на плечо матери, почувствовал, как напряглась женщина, как попыталась она сбросить его руку.

— Я — врач, — повторил Семашко. — Мальчик тяжело болен. Ему нужна помощь.

Она повернулась.

— Помощь? Мы уже ездили в больницу. Возили ребенка! Фельдшер забрал деньги и велел парить Федюшку в бане.

Она упала перед лампадой на колени, стала молиться:

— Господи! — причитала она. — За что так страдает ребенок? Он никому не сделал худого. Отец молчал.

Семашко вдруг вспомнил, как однажды в Новой Александрии его вызвали к такому больному. Он мчался, гнал лошадей, но... оказалось поздно. Нет, теперь он этого не допустит.

— Жарко! — метался мальчик. — Нечем дышать, мамка!

Кашель сотрясал его тело.

«Это дифтерит, — понял Семашко. — Операция неизбежна. Но где оперировать? В избе? Ночью? Без света? Чем?»

Он тут же возразил себе:

«Но это единственный выход...»

На полу заплакал грудной ребенок, проснулся. Мать сунула в тряпку кусок картошки. Ребенок зачмокал губами, утих.

— Зажгите свет, — приказал Семашко. — Мне нужно осмотреть вашего сына.

Отец зажег лампу и свечи. Мальчик выглядел старичком. Впалые щеки. Запавшие глаза. Стеклообразное, стынущее выражение было в них.

Семашко приказал:

— Открой рот, Федя.

Отек был огромный. Николай Александрович ужаснулся.

— Страшное горло, — сказал он вслух.

Мать будто проснулась. Она наконец поняла, чего не договаривает доктор.

— Спасите! Спасите Федю!

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Семашко, помогая матери подняться с пола, — Кипятите воду.

Повернулся к отцу.

— Нужен нож. Острый сапожный нож. И быстрее.

Служитель бросился в угол. Инструменты высыпались из ящика, зазвенели.

Николай Александрович проверил нож на ноге, — острый.

Женщина удивленно следила за ним, не понимая, что же он затевает.

— Чайник? — спросил Семашко. — Фарфоровый чайник. Для заварки.

Она принесла чайник.

Семашко ударил по носику, отбил его.

— Чайник еще совсем новый, — жалобно сказала женщина.

Мальчик открывал рот, хватал воздух. С каждой секундой дыхание становилось хуже.

— Пусть мать выйдет, — приказал Семашко. — А отец мне поможет.

Он сам закрыл дверь на кухне, скинул пиджак, закатал рукава. Потом взял нож, чувствуя его стальную тяжесть, ошпарил его, склонился над ребенком.

Теперь ошибаться нельзя. Невозможно. Разрез должен быть единственным и бескровным. Он знал точное место.

Мальчик дышал редко. Плечи его вздымались. Он лежал без сознания.

Семашко взглянул на отца, — нужно бы сказать ему доброе слово, — но мужчина с ненавистью глядел на него. «Если ребенок погибнет, — подумал Семашко, — отец убьет меня здесь же...»

Разрез оказался точным и быстрым.

Семашко завел отбитый носик чайника в рану, создавая искусственный ход воздуху.

Дыхания не было.

На стенных часах неожиданно выскочила кукушка, прокуковала четыре раза. Она словно издевалась над Семашко.

«Нет, — подумал он. — Я должен его заставить дышать. Должен».

Он сдвинул ладонью грудь мальчика. Потом еще и еще.

И вдруг мальчик вздохнул. Воздух ворвался в трубку. Наполнил легкие.

— Дышит? — шепотом произнес Семашко, но ему показалось, что он это крикнул.

— Дышит! — как эхо повторил отец.

Николай Александрович распрямылся, прошел несколько шагов и опустился на табуретку. Сил не было.

Отец распахнул дверь настежь.

— Умер? — закричала мать на кухне, перепугавшись вида собственного мужа.

Служитель плакал.

— Что? — снова крикнула мать, как безумная. — Как Федька?

— Жив, — заставил себя произнести Семашко. — Будет жить. Теперь я ручаюсь за вашего Федьку.

НАТРИЦЫ-БАТРИЦЫ И КЛЮЧИ ОТ АПТЕКИ

До приезда Николая Александровича Семашко в Троицкое был на всем сельском участке один-единственный бог: фельдшер Алексей Никитич Суханочкин. Крестьяне его побаивались, величали барином и ломали перед ним шапки.

За долгие годы работы нажил себе Суханочкин приличное состояние. Имел выезд — пару лошадей, запряженных в замечательную пролетку. На сидении лежал богатый ковер, будто бы привезенный Суханочкиным с кровавой войны с турками, где он служил в молодые годы военным фельдшером.

По деревне Суханочкин не ходил — ездил. Толстый, краснолицый, в шубе из богатого меха. Овчину, эдакий крестьянский тулуп, не наденет. Тетка Анисья рассказывала, что кто-то принес Суханочкину меховой колушок, так он не взял, а в лицо кинул — обиделся на крестья-

нина. Что же, сказал, ты мне ерундовину всякую носишь. Перед тобой как-никак боевой офицер в отставке.

Принимал Суханочкин больных быстро, по своей «методе». Войдет крестьянин, поклонится чуть ли не до пола, а Суханочкин его как бы не замечает. Дождется, что будет дальше. У крестьянина за спиной мешок, а там то гусь загогочет, то поросенок захрюкает.

— Что у тебя? — скажет Суханочкин, поглядывая на мешок. — Болит где? Ноет? Колет? Стреляет?

— Шуровит, Алексей Никитич.

— Шуровит, — кивнет Суханочкин, будто бы только этого слова он и ждал. — Крутит, значит. Сосет, хочешь сказать. Понятно.

Задумается на секунду, а крестьянин следит за ним, ждет для себя важного судебного приговора.

— Да-а! — скажет Суханочкин. — Хворь у тебя, братец, опасная. И одним гусем не обойтись. Нужно два. — Задумается, выслушает обещание, отхлебнет спирта из колбы, которая всегда стоит рядом с чернильницей, поцокает языком. — Центральный нерв, предполагаю, у тебя, братец, перекрутился с боковым. И, чтобы их раскрутить, нужно большое умение.

Дойдет до окна, покачается с пяток на носки, отопрет сейф и поставит перед крестьянином банку, на которой нарисованы череп и кости — смерть, одним словом. И столовой ложкой щедро насыпет ему лекарства.

— Видишь, сколько я тебе добра отдаю. А ты чего мне принес? Стыдись, братец.

Крестьянин благодарит Суханочкина, кланяется, пьитися к дверям, а Алексей Никитич скажет напоследок:

— Это я тебе натрицы-батрицы прописал, сильнейшая вещь. Не просыпь только. А уж просыплешь — не обессудь, в малом количестве не поможет.

Бывало, что после сильной пьянки Суханочкин лежа больных принимает. Завяжет голову мокрым платком и стонет.

Больной стоит в дверях, топчется, покашливает. Суханочкин спросит его слабым голосом:

— Принес чего, положи в ноги...

Дождется, ощупает пальцами, вздохнет недовольно.

— Ладно. Возьми таблетку в шкафу.

— Какую, Алексей Никитич?

— Любую.

— Беленькую или серенькую?

— Серенькую.

— Штучку или две?

— Бери две.

— Сейчас съесть или дома?

— Дома, дома, — и прикрикнет. — Чего ты меня мучаешь, зови следующего!

О Суханочкине подробно рассказал Николаю Александровичу Семашко станционный служащий Крюков еще по дороге в село Троицкое.

С грустью слушал его Семашко, зная заранее, как будет нелегко начинать работу в селе.

Утром первого рабочего дня пришел Николай Александрович в больницу пораньше. Послал сторожа за фельдшером.

Сторож вернулся сконфуженный.

— Алексей Никитич передать вам велели, что они работу всегда начинали позднее. И придут, когда смогут.

«Ладно, — решил Семашко. — Подожду».

Приехал Суханочкин в своей пролетке. Привязал лошадей против докторского окна, пускай, мол, полюбуется. чего стоит фельдшер.

А лошади действительно хороши! Роют копытами землю, гнут шеи, пофыркивают — рвутся вперед.

Суханочкин сошел на землю, одернул сюртук и, качнувшись, пошел к больнице. Распахнул дверь и уставился на Семашко мутным, пьяным взглядом.

— Здравствуй, доктор.

— Здравствуйте, — сказал Семашко.

Сухо сказал. Не встал. Руки не подал. Суханочкин будто уменьшился под неожиданно злым и сильным взглядом Семашко.

— Говорить не будем, — резал Семашко. — Я у больных вас послушаю. Как лечили? Чем? Сколько человек в больнице лежит?

— Шесть, вроде.

— Точнее?

— Пять.

— Раздайте градусники. Через десять минут начнем обход.

Суханочкин добрал до дверей, сказал испуганно, с просьбой:

— Зачем же обход, доктор? Здоровые они все. Пора выписывать. Заелись на больничных харчах.

Семашко словно бы заново увидел ужас в глазах Федюшкиной матери, услышал хриплое Федюшкино дыхание, вспомнил совет фельдшера: «Попарьте его в бане», хмуро взглянул на Суханочкина, сказал с ненавистью:

— Извольте, Алексей Никитич, выполнять мои распоряжения. Я их по два раза не отдаю. А если вас что не устраивает, то прошу больше в больницу не приходите. Худые работники здесь не нужны.

...Федюшка попытался улыбнуться доктору, но получилась гримаса.

— Лучше, Федя? — Николай Александрович сидел на больничной койке, глядел на привезенного в Троицкое своего первого больного.

— Ага.

Мать стояла в изголовье кровати.

— Гулять скоро пойдешь, обещаю, — сказал Семашко.

...Потом в другой палате Семашко расспрашивал то одного, то другого больного. Спиртовые примочки и компрессы, которые широко назначал Суханочкин, спиртом, конечно, не

пахли. Зато от фельдшера несло водочным перегаром.

Семашко остановился около старушки Касаткиной.

— На что жалуетесь, бабуля? — спросил добро.

Старушка натянула одеяло до самых глаз, испуганно глядела на доктора.

— Не на что ей жаловаться, — Суханочкин икнул. — Кровать мягкая. Харчи больничные. Выписывать пора.

Семашко обернулся.

— Чем болеет Касаткина? — спросил он у фельдшера. — От каких болезней вы ее лечите? Где запись в истории болезни?

— От каких? — удивленно переспросил Суханочкин. — От разных. И от живота лечу. И от ног. И от головы.

Семашко вздохнул: так можно и без головы человека оставить, если от головы лечить.

Сосчитал пульс, послушал Касаткину — у старушки было тяжелое воспаление легких.

— Чем же вы ее лечите? — спросил Семашко, не находя лекарств около больной.

— Натрицы-батрицы, — моментально сказал фельдшер.

Семашко удивленно поднял брови: о таком лекарстве он никогда не слышал.

Суханочкин сунул под подушку Касаткиной руку и протянул доктору порошок. Семашко развернул пакетик. Тонкая белая пыль хрустывала, искрилась.

Семашко попробовал порошок на вкус — это была питьевая сода.

Днем исчезли ключи от аптеки. Перерыли во всех комнатах, обыскали кабинеты — нигде не было.

Послали домой за Суханочкиным, но там ответили, что барин спит, будить не велели.

Семашко зашел в палату, проведать Касаткину. Старушка глядела на него с приветливым ожиданием, в отсутствии фельдшера ее взгляд стал доверчивее.

— Сейчас поставим банки, — сказал Семашко, — начнете поправляться, бабушка. А как ключи от аптеки найдем, так и дадим лекарство посылнее.

Она вдруг переспросила.

— Это какие же ключи, батюшка?

Радостная искорка мелькнула в ее глазах, будто бы Касаткина что-то об этом знала.

— Большой, что ли, и маленький ключик?

— Два ключа, — подтвердил Семашко.

— Вот они, тепленькие, — сказала Касаткина, доставая их из-под мышки.

— Как же они к вам попали? — ничего не понимал Семашко.

— Да мне, батюшка, сам Алексей Никитич Суханочкин их поставил еще утром. Он и раньше меня градусниками лечил. Цельный день держишь, пока не уснешь. А наутро отберет и спросит: лучше стало?

Она вдруг взмолилась.

— Батюшка, отпустил бы домой! Совсем ослабла. Я ведь в больницу еще ногами шла, а теперь встать не могу.

— А жаловалась Алексею Никитичу?

Старушка истово стала креститься.

— Помилуй, батюшка. Как можно жаловаться? Он же молчать приказал. И тебе не велел жаловаться про здоровье, а то, сказал, такое лекарство пить заставлю, что и жаловаться забудешь...

В больницу Суханочкин приехал трезвым. Лицо его отекло, распухло, глаза после выпитого глядели мутно.

Семашко попросил Суханочкина войти в кабинет, пригласил сесть, спокойно сказал:

— Я отдаю вас под суд.

Суханочкин вскочил. Нет, не шутил молодой доктор. Фраза его звучала как приговор.

Фельдшер постоял несколько секунд против Семашко в удивленном молчании и вдруг бухнул на колени.

— Не губите! — кричал Суханочкин, ломая руки. — Дети у меня малые! Отец — инвалид. Мать — старушка! Слушаться вас буду, любой приказ исполнять...

Семашко молчал. «Ладно, — подумал он. — Попробую. Какой-никакой, но помощник. На первой же операции одному туго придется, а Суханочкин все же был военным фельдшером».

— Но условия мои будут жесткими, — объявил Семашко.

— Согласен. На все согласен.

— Пить прекратите.

— Как изволите, доктор. Капли в рот не возьму.

— Утром быть в больнице ровно к девяти.

— Буду, буду. И не сомневайтесь.

— Ночами, по моему вызову, станете помогать на операциях.

— В один миг прилечу.

— Но главное, — Семашко пристально поглядел на Суханочкина. — Обещайте мне учиться. Названия лекарств вы должны знать, их действие... Я сам буду вас спрашивать.

— Готов, готов. Как школьник учиться стану.

— Тогда запомните первое. Питьевая сода, которой вы лечите больных, называется натриум бензоикум, а не натрицы-батрицы. И под мышку положено ставить градусники, а не ключи от аптеки.

Жизнь в больнице медленно входила в нормальную колею. Давным-давно выписался Федюшка, забыл про свою болезнь. Семашко вывел его за руку из палаты, передал матери.

— Следите за мальчиком, — сказал ей. — Одевайте потеплее. Дифтерит — болезнь страшная, дает осложнения на сердце.

Обходы больных Семашко делал утрами. Суханочкин ходил за ним тихий, неузнаваемо почтительный, трезвый.

Но, бывало, обернется Семашко неожиданно и тут же заметит злые ненавидящие глаза Суханочкина — нет, не забыл фельдшер своей обиды.

К часу дня шел Николай Александрович в амбулаторию, принимать больных.

Слух о чудесном докторе прокатился по всему Мценскому уезду, и теперь около больницы скапливалось по двадцать-тридцать подвод. Везли к Семашко больных даже из далеких сел, знали — доктор не откажет, вылечит.

Чего только не делал Семашко! И зубы рвал! И оперировал. Закончит одно, а за ним снова бегут: старик ногу сломал, змея девочку укусила.

И Семашко идет, спасает. И старика. И девочку.

Субботними вечерами собирал Николай Александрович крестьян на беседы. Говорить ему, неблагонадежному, разрешалось только о болезнях.

— В чем тут дело? — спрашивал у крестьян Семашко, оглядывая умные, внимательные лица. — Бедняки умирают от дифтерии в полтора раза чаще богатых, а болеют в четыре раза чаще. Калек среди бедных в пять раз больше, чем среди зажиточных крестьян...

Шло время. Теплым летним вечером возвращался Семашко от тяжелого больного домой и вдруг у собственной калитки увидел лошадей Суханочкина.

Он вошел в коридор, поставил врачебный саквояж на тумбочку. На вешалке висели две шляпы.

Выглянула Надежда Михайловна с Сережей на руках, за ней — Галка. Глаза у жены и дочери были испуганные.

— Суханочкин с каким-то типом тебя ожидают, — шепотом предупредила она.

Гости поднялись. И хотя приезжий был в гражданском костюме, Семашко по выправке признал в нем военного.

Поздоровались.

— Чухин, — представился незнакомец. — Из полицейского управления.

— Чем могу быть полезным? — спокойно спросил Семашко.

Суханочкин многозначительно хмыкнул.

— Полицейскому управлению известно, что вы занимаетесь антиправительственной агитацией крестьян. Факты, которые мы получили, — он выразительно поглядел на фельдшера, — полностью подтвердились. Вам предписывается...

Семашко взял у полицейского бумагу, развернул листок, украдкой взглянул на встревоженное лицо Наденьки.

— Понимаю, — Семашко прочитал отдельные слова в документе, — «как лицо неблагонадежное... выехать из губернии в течение трех суток...»

...Провожали Семашко из Троицкого всем

миром. Занесли вещи в вагон, а когда поезд тронулся, крестьяне сняли шапки и низко поклонились доктору.

Вагон проплыл мимо станции. В дверях стояли служитель Крюков с женой и выросший за эти годы Федюшка. «Нет, — думал Семашко, — не может такого быть, чтобы добрая память выветрилась и забылась...»

...А через много-много лет, зимой 1924 года, читая газету «Беднота», Семашко вдруг разволновался. В газете было помещено письмо из Мценского уезда Орловской губернии.

«У нас в селе Троицком, — писал корреспондент, — еще жива память о замечательном докторе-революционере Николае Александровиче Семашко».

А ниже стояла подпись: «Федор Крюков, секретарь Троицкой партийной ячейки».

ЗОЛУШКА

Дел утром не счесть. Надежда Михайловна убирает квартиру, помогает детям умыться. Семья большая — пять человек.

Николай Александрович работает. Сидит в кабинете, пишет. Надежда Михайловна не спрашивает — что? Раз работает, значит, есть в этом срочная необходимость.

Дети ходят тихо, разговаривают шепотом.

И вдруг дверь распахивается. Выходит Николай Александрович. Лицо счастливое, сам быстрый, энергичный, шумный.

— Ну, — кричит он, — за стол!

Кипит самовар. Над краником вьется струйка пара. Надежда Михайловна льет заварку. Звенят ложечки.

— Сегодня, — говорит Семашко детям, — вы пойдете к бабушке Нюре...

Это радость. У бабушки Нюры всегда интересно. Она знает удивительные сказки. И никогда не повторяется, каждый раз что-нибудь расскажет по-другому.

Любимая сказка про Золушку и принца. Дело было так. Отыскали гонцы Золушку и привезли к принцу. А принц говорит:

— Бери, Золушка, все мое царство, без тебя нет у меня желания править. Опускаются руки.

А Золушка отвечает:

— Зачем же мне царство? Что я буду с ним делать? А вот если ты хочешь, чтобы я тебя похвалила, то пускай твои гонцы-скороходы, которые меряли туфли, ответят: много ли людей в твоём государстве не имеют обуви?

— Ладно, — заявляет принц. — Не возражаю. Нет для меня важнее приказа.

Вызывает он скороходов и спрашивает то, что велела ему Золушка. «Да, больше половины людей в твоём царстве ходят без обуви», — отвечают принцу скороходы. Принц растерялся и покраснел. Вот уж о чем он не думал. Стыдно ему стало перед Золушкой. «Дорогие скороходы, — требует принц, — бегите по моему царству-государству и раздавайте каждому обув-

THE ILLUSTRATION IS THE PROPERTY OF THE PUBLISHERS AND IS NOT TO BE REPRODUCED WITHOUT THEIR PERMISSION.

ку, такой мой приказ». И вот стали гонцы бегать из дома в дом, и — кому доставались ботинки, кому — туфли, а старичкам — валенки.

— А дальше?

— Дальше — свадьба. Народу набралось — тьма. Видимо-невидимо! И каждый пришел в обуви.

— И ты была, бабушка Нюра?

— А как же! Какая без меня свадьба.

Бабушка Нюра поднимается с табуретки и не спеша идет к сундучку. Поднимает крышку. И достает Золушкин подарок — пару новеньких валенок.

— Когда я буду большой, — заявляет Сережа, — я тоже стану раздавать валенки.

— И я, — соглашается Галка.

— И я, — поддерживает маленький Коля.

Наденька, Надежда Михайловна Семашко, надевает ребятам костюмчики по случаю воскресенья, берет младшего на руки, а старшие Сережа и Галка шагают рядом.

До улицы, где живут рабочие-сормовчане, идти недолго. Дом бабушки Нюры один из первых. Бабушка — мать дяди Володи Кожухова. А дядя Володя — друг папы. Дядя Володя к ним часто приходит. Они запираются с папой в кабинете и подолгу ведут какие-то секретные разговоры.

Чем ближе они к домику бабушки Нюры, тем больше знакомых. Тут все знают друг друга, а Наденькиных детей называют «докторами».

«Святой человек, — говорят они про Семашко. — Никогда не откажет больному, днем и ночью придет на помощь».

Дома у бабушки Нюры сборы. Дядя Володя стоит у зеркала. Сдвигает картуз на затылок. Поправляет цветок в петлице. Спускает хромовые голенища пониже, получают сапоги «гармошкой».

— Ничего, Надежда Михайловна? — спрашивает Володя.

А дети окружают бабушку Нюру. Они просят рассказать сказку.

— Ладно, расскажу, — улыбается бабушка.

Бабушка Нюра — крохотная бабушка, меньше Сережи Семашко. Лицо у нее круглое, улыбчатое. Говорит бабушка Нюра славно, будто поет.

...Дядя Володя выходит из дома вместе с мамой, сворачивает вправо.

Бабушка Нюра, мальчики и Галка стоят у окна. Бабушка Нюра отчего-то вздыхает, поднимает руку и крестит сначала маму, а потом дядю Володю, своего сына. Бабушка Нюра уверена, что это поможет в их добром деле.

А мама, Надежда Михайловна, почему-то идет в другую сторону. Доходит до угла, оборачивается и поднимает руку, машет. Мама уверена, что бабушка Нюра и дети сейчас стоят у окна и ее видят.

Николай Александрович Семашко ждет жену. На нем выходной костюм, строгий серый галстук.

Надежда Михайловна выходит к нему в белом платье, в легкой летней шляпке. В таком виде обычно идут на набережную прогуляться.

— Очень хорошо, — говорит Николай Александрович. — А в плетеную корзину не забудь положить галоши. Пригодятся.

— Ты прав, — соглашается Надежда Михайловна. — В лесу наверняка грязно.

Они выходят в город. Идут неторопливо. Здороваются со знакомыми почтительно, но не останавливаются. Лишнего времени нет.

Раскинув коротенькие толстые руки, бежит с заискивающей улыбкой доктор Костин. Безграмотный хапуга.

— Николай Александрович, милый!..

— Честь имею, — едва кивает ему Семашко.

— Социалист! — шипит вслед доктор Костин.

— Мироед! — с ненавистью говорит Семашко. — Кровопийца.

Они останавливают извозчика. Садятся в пролетку. Дорога сворачивает к набережной. Пожалуй, лучше выйти здесь.

Позади веселятся гимназисты, гоняют мяч.

Офицеры прогуливаются с дамами. Около лодочной станции заливается граммофон. Пестреют зонтики-грибки плавучего ресторана.

Жарко. Дамы обмахиваются веерами.

Николай Александрович и Наденька проходят последнюю скамейку. Гуляющих меньше и меньше. Наконец, они остаются одни.

Здесь, в кустах, нужно ждать.

Вдалеке возникает лодка. Ближе. Поворачивает к берегу. Это Володя.

...А еще через несколько минут лодка быстро идет по течению. На веслах Семашко. Его пиджак и шляпа у Наденьки на коленях. Рукава засучены. При каждом махе напрягаются мышцы.

Лодка рассекает воду. Снопы брызг вспыхивают на солнце. От весел появляются волноронки.

— Нужны деньги, чтобы вооружить и обучить дружину, — говорит Семашко.

— Кое-что мы имеем: ножи, ружья, ручные бомбы.

— Этого мало.

Весла выгибаются дугой. Веселая сильная упругость передается им от гребца.

— Стой, кто идет?

— Где тут дорога на Соломатку?

— На том берегу.

Из-за деревьев выходит парень с двустволкой. Пароль точен. Можно пропустить «заблудившихся».

Часовой посмеивается над Наденькой.

— Куда же вы, барышня, в таких туфлях? Здесь болото.

— А мы прихватили галоши, — говорит Семашко. — Да и по городу возвращаться в грязных туфлях — это сразу к жандармам в лапы.

Они проходят по узкой вязкой тропинке. Рыхлым, хлюпающим мхом.

Лес то реже, то гуще. Паутина попадает в рот. Обвивает лицо.

Наденька идет осторожно, приподнимая край длинного платья.

Лес кончается, и перед ними открывается бивуак, лагерь дружины.

Горят костры. Вокруг молодые люди в рабочих косоворотках и студенческих тужурках. Семашко обходит знакомых.

— А ты что, малыш? — обращается он к подростку. — Ишь какой Гаврош! Тоже решил сражаться с черносотенцами и жандармами?

Мальчик молчит. Насупился.

— Сколько же ему лет? Тринадцать?

Семашко поворачивается к Кожухову.

— Оставить его нужно, Николай Александрович. Это Лаевский.

— Сын Александра Михайловича?

Мальчик ниже опускает голову. Больше объяснять не нужно. Аптекарь Лаевский на прошлой неделе убит черносотенцами.

...В костер подкидывают валежник. Языки пламени взмывают над лесом, закрывают оратора, полощатся, как знамена.

Люди слушают Семашко. Гордость в глазах Надежды Михайловны. Вот он какой, ее муж.

Семашко достает листовку. Его голос резок. Слова звучат, как набат:

— Пусть сытые люди целуются с самодержавием. Пусть они сложат свои бессильные руки — мы их не сложим!

Надежда Михайловна знает: к утру десятки верных людей разнесут листовки по городу, расклеят на заборах.

Рабочие, студенты, Миша Лаевский встают с земли. Плечо примыкает к плечу. Шапки сняты.

Над лесом негромко, но грозно звучит гимн пролетариата — «И н т е р н а ц и о н а л».

Вставай, проклятьем заклеянный,

Весь мир голодных и рабов!

Звонкий юношеский голос вырывается из хора. Кожухов кладет руку на плечо мальчика, прижимает Мишу к себе.

Полыхает костер. Шестьдесят вооруженных человек готовы отдать свои жизни во имя светлого будущего.

— Долой самодержавие! — произносит Семашко!

— Долой царя!

— Да здравствует революция!

Из леса вышел патрулирующий рабочий Иван Мохов, подал знак опасности. Жандармы!

В глазах Миши Лаевского радость возможного боя.

— Дайте мне бомбу! Я брошу!

Семашко удерживает мальчика около себя.

— Нет, Миша. Рано. Нам нужно сохранить дружину.

Они идут к Оке. Жандармы движутся с южной стороны леса, значит, выход один — к северу.

У Наденьки стучит сердце. Нужно быть спокойной. Мужчины не должны догадываться, что ей страшно.

Они перебегают поляну. Лодка в камышах. Хлюпает вода. Наденька подбирает платье. Вот так пикник!

Мужчины наваливаются на лодку, потом отталкиваются веслами.

И вдруг Николай Александрович начинает смеяться, а сам показывает на Наденькины ноги. Она опускает глаза и ахает. Осталась одна галоша, вторая утонула «при попытке к бегству». Наденька снимает вторую галошу и тихо трубит прощальный марш. Галоша плывет рядом с лодкой. Покачивается на волнах. Стучат весла, поднимая снопы брызг.

Галоша кренится, зачерпывает воду и, качнувшись, идет на дно.

— Дружина, — шепотом говорит Семашко, — в битве с жандармами потеряла две Наденькины галоши.

История с галошей получила неожиданное продолжение. «Улика», найденная жандармами недалеко от сходки, была передана сыщикам. Сыщики пустились «по следу».

На другой день в дверях Семашко раздался звонок. Надежда Михайловна распахнула дверь и отступила: в проходе стояли двое.

— Простите, мадам, — заговорил высокий мужчина в очках и шляпе. — Мы принесли вашу вещь. — И протянул галошу.

Наденька пожала плечами.

— Мои — в углу.

Там действительно стояли новенькие галоши.

— А теперь — уходите, — сказала Надежда Михайловна.

— Ничего, мадам, — пригрозил сыщик. — Надеюсь, мы еще доберемся до вас и до вашего мужа.

Она закрыла дверь и присела на табуретку: сил не было.

Галка, маленький Коля и Сережа выглянули из комнаты.

— Кто это, мама?

— Так, — сказала Надежда Михайловна. — Случайные люди. Давайте-ка мыться...

— А я знаю, — сказал маленький Коля.

Надежда Михайловна улыбнулась: Коля все понимал первым.

— Что же ты понял?

— Это от принца. Они ищут Золушку. И пришли мерять потерянную галошу.

Галка восторженно поглядела на брата, потом спросила.

— А ты померяла, мама?

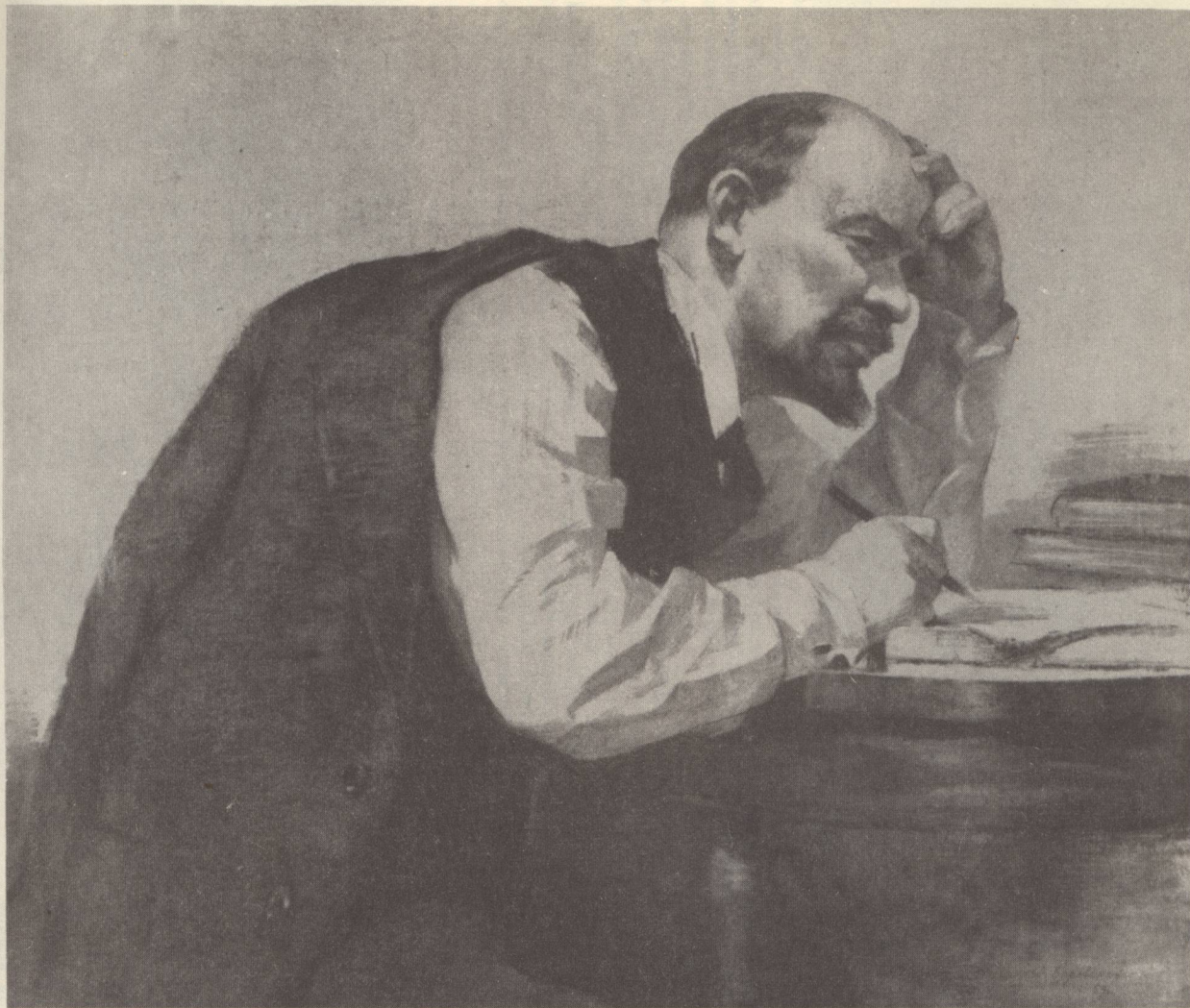
— Нет, дети.

— А вдруг тебе в самый раз? Знаешь, что бы тогда было?

— Что?

— На тебе женился бы принц!

— Принц давно на мне женился, — улыбнулась Надежда Михайловна. — И вы — его дети.

В. И. ЛЕНИН

Художник Д. Боровский

СВЕЧА

МИРТЕМИР

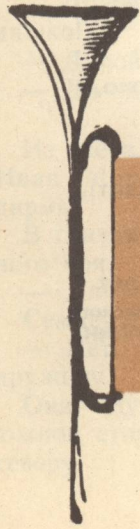
Как памятник, пред нами предстает
Подсвечник в кабинете Ильича.
Бывало, Ленин ночи напролет
Писал, писал, а тонкая свеча,
Казалось, озаряла целый мир,
И нашу Русь, и Запад, и Восток.
Идет война, а нужен, нужен мир,
И нефть нужна, и уголь. На листок
Ложатся буквы. Людям нелегко,

И за декретом следует декрет:
Рабочим — хлеб, детишкам — молоко,
Ташкенту — первый университет.
Земля в Степи Голодной горяча —
Пусть там родится плодоносный цвет!..

И озаряет тонкая свеча
Весь мир, всю новизну грядущих лет.

Перевод с узбекского
С. ЛИПКИНА

Идем дорогой Ленина,
дорогой Октября!

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

Каждый из нас здесь с особой силой ощутил ленинскую заботу родной Коммунистической партии и советского правительства о нашем счастье и детстве. Нам многое предстоит сделать, чтобы оправдать великое доверие — стать наследниками революционных, боевых и трудовых традиций советского народа, Коммунистической партии, Ленинского комсомола.

Мы обещаем сами и призываем всех пионеров и школьников нашей страны отличиться, быть активными участниками и организаторами всесоюзного марша «Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!», постоянно воспитывать в себе трудолюбие, быть скромными, честными, расти сильными, смелыми, ловкими.

Мы знаем, что Олимп покоряется тем, кто предан дружбе, не боится трудностей, кто успешно сочетает учебу с активными занятиями спортом. Все — на «Старты надежд!»

Из Обращения участников Всесоюзных спортивных игр «Старты надежд» в Артеке

ВЕСТИ С МАРША ВЕСТИ С МАРША ВЕСТИ С МАРША ВЕСТИ С МАРША ВЕСТИ С МАРША

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

По школе дежурит
правофланговый отряд

Заседание совета дружины было коротким, но уже назавтра Самда Ахмедова принимала от ребят душистые красные яблоки. Это подарок детям Ивановского интернационального детского дома от алма-атинских ребят.

Света Хореховцева командовала в школьной библиотеке: «Соборались участники операции «Живи, книга!».

А Федя Осинин? С пионерской газетой в руках он побывал в каждом классе, объяснил: «Пионерские поезда — БАМУ» — это значит металл собрать не в два, а в двадцать раз больше, чем в прошлом году!

В школе этих ребят называют комиссарами пионерских маршрутов. И они — впереди на Марше.

Ч. Айхакова,
школа № 25, Алма-Ата

Тысячу саженцев посадили мы на общешкольном суботнике. И сейчас зеленеют они у школы и детского сада, в пионерском лагере «Казгадак» и у больницы.

В честь 60-летия Октября на суботнике были заложены учебно-опытный и плодово-ягодный участки, разбиты аллеи парка.

Нурбай Куатов,
средняя школа им. Макаренко,
Гурьевская область,
поселок Кульсары

В субботу на уроке литературы завуч школы Калибек Жумагазинович сказал нам:

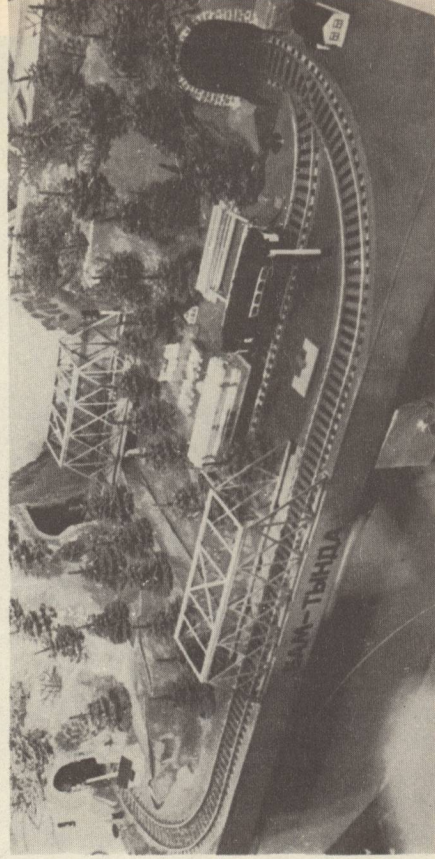
— Завтра будет воскресник.

С утра поедем на Сары-Обу помогать чабанам готовиться к зимовке. Как, согласны?

— Согласны!
Утром возле школы собралось много учеников. В Сары-Обу мы разделились на две команды и сразу принялись за работу. Выравнивали площадку около кошар, ремонтировали изгородь, укрепили крышу.

Когда мы уезжали, чабаны нас благодарили. Мы почти не устали и домой приехали очень довольные тем, что помогли чабанам.

И. Батырханов,
7-й класс,
Семипалатинская область,
Жерминский район

Эту действующую модель Байкало-Амурской магистрали на участке станции Тында построили юные техники школы № 81 города Хабаровска.
Фото Н. Курилова

Моя Родина - СССР

В Торжественном обещании пионеров есть такие слова: "ГОРЯЧО ЛЮБИТЬ СВОЮ РОДИНУ, ЖИТЬ, УЧИТЬСЯ И БОРОТЬСЯ, КАК ЗАВЕЩАЛ ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН, КАК УЧИТ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ..."

Всегда радостны встречи с ветеранами Коммунистической партии, участницами Великой Октябрьской революции

У каждого человека есть Родина. Наша Родина — Советский Союз. Это высокие горы, степные просторы, безбрежные пустыни, синие моря. Маленькая речушка, склонившаяся над ней ива, стройные березки в поле, бесконечные дороги, убегающие вдалеку. Это тоже Родина.

Я хочу написать о своем селе Тарбальджей. Здесь я живу уже десять лет... В северной части села наша школа. Там всегда шумно, слышны громкие голоса ребят. В центре села — парк.

К 30-летию победы над фашизмом в парке установлен памятник участникам Великой Отечественной войны. Это место священо для нас.

Около нашего села нет ни моря, ни пустыни. Наш климат несравним с мягким климатом юга. Но зато забайкальское наше село — в окружении сопок, которые весной, когда цветет багульник, розовеют до самой верхушки. Колокольчики, ромашки, курунная слепота, одуванчики.

Я люблю свое село. Мне кажется, что оно лучше всех. Люблю его всегда, при любой погоде. Летом, когда оно — море палящего солнца и теплого ветра, весной, когда оживает природа, осенью, когда луга, горы, леса становятся золотистыми. Зимой, когда всюду лежит снег.

Тарбальджей — совсем небольшое село, таких сел много в Забайкалье. Но я его люблю и, когда уезжаю куда-нибудь, тоскую по дому.

Дарима Ламожалова,
Чульская область

Я живу в Казахстане, а моя подруга Света Посельская — в Якутии. В каждом письме она рассказывает мне о своем крае. Присылает открытки, значки, книги о Якутии. Когда у меня стало много материалов об этом удивительном крае, я решила сделать альбом.

В разделе «История Якутии» помещена рассказ о создании первых комсомольских организаций под руководством И. Токунова. Фотографии с изображением полюса холода — Оймькона, реки Индигирки. Все прислала мне Света.

Мне кажется, что я уже была на национальном празднике «Ысыах» и слышала старинный музыкальный инструмент ханус...

Своей подруге в Якутию я прислала рассказы о Казахстане, открытки и значки. Пусть и Света знает о моем степном крае.

Гульнара Бушева,
Целиноградская область,
село Антоновка

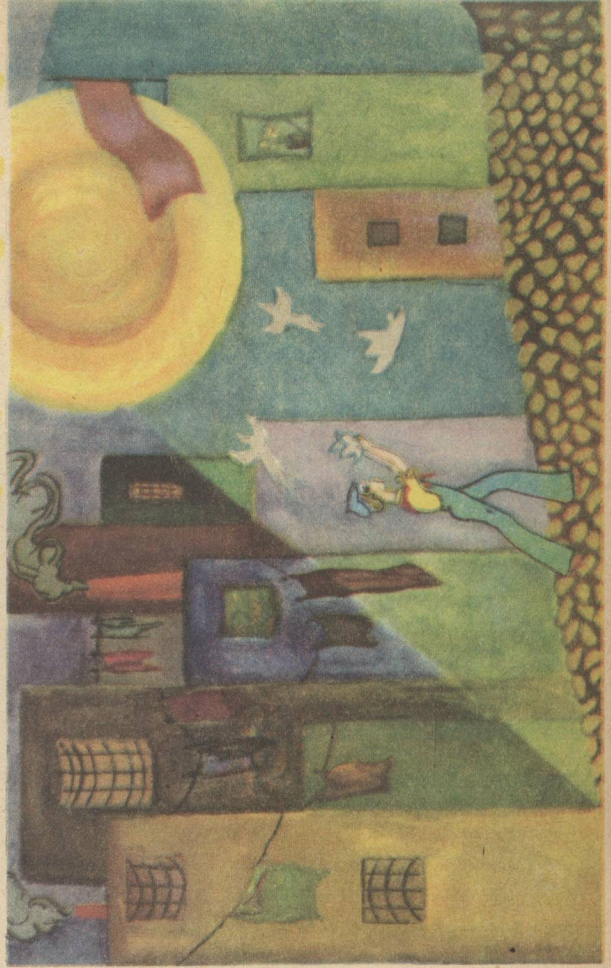

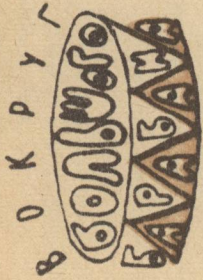
МОЯ ПОДРУГА
Рисуюк Марини Ясокевич, Ленинград
ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ
Рисуюк Олега Степаненко, Львов

Наступила весна,
Всюду птицы поют,
А по талым морям
Корабли вдалеку плывут.
Повстречают они
Много разных людей,
Только нет никого
Лучше мамы моей!

Ира и Лида
Чердынцевы,
5-й класс,
Набережные Челны

Продолжаем разговор на тему «в школе и дома».
Здесь — строки из писем.
Выскажи и ты, читатель, свое мнение!

Домашняя работа — своеобразная наука. Не только девочкам надо постигать ее, но и нам, мальчикам, не мешаает все уметь делать по дому.

*Александр
Сидоренков
г. Борский*

Что мама попросит, то и делаю по дому. Помогал картошку копать, окна мыл, рамы заклеивал...

*Андрей Маслов
Красноярский край*

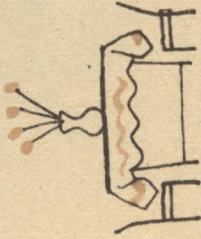
Проявляю инициативу, когда вижу... много грязной посуды. Не жду понуканий, открываю кран и мою.

*Олег Манолов
г. Физический Тимин*

Галя, твоя мама права: порядок и чистота в доме и от тебя зависят!

*Марья
Тимошина
Иркутская область*

Всегда помню слова М. Горького: «Есть прекрасное существо, у которого мы всегда в долгу — это мать».

*Евгения
Сахенцова
Иркутская область*

Заветная страничка

РАННЯЯ ВЕСНА

Солнце ярче светит,
Неба даль ясна.

Значит, в гости метит
Ранняя весна.

Ручейки запели,
Ускоряя бег,
Всплучив, растопили
Прошлогодний снег.

И сосульки дружно
Тают у стены...
Говорят, что нужно
Ранней ждаты весны.

*Володя Святун,
7-й класс,
Кустанайская область*

Из чего же ты шит,
Красивый самшит?
Из зелени пышной
Колыханьем неслышимым.

*Аня Карлова,
4-й класс,
Москва*

ВЕСНА

Идет весна-красавица.
Кому весна не нравится!

Трава зазеленеет,
И птицы запоют,
И будет всем животным
Добыча и приют.

Река уж скоро вскроется
И бурно потечет,
А лед, как сахар, ломится.
Весна, весна идет!

*Лера Гурина,
4-й класс, Донецк*

ЮНКОРЫ советуют

ЮНКОРЫ СОВЕТУЮТ

Наш класс очень сдружился благодаря шефам. Многие ребята давно ходят в кружок железнодорожников не только в течение учебного года, а и летом. В депо всегда есть работа. Мы с Сашей Самойленко ходим подавать инструменты, когда шоферы чинят свои машины.

*Саша Кузнецов,
поселок Сибицево
Приморского края*

Недавно я понял, что никогда не надо отчаиваться. Все началось с того, что меня назначили помогать редколлегии стеногазеты. Выпуск был посвящен сбору металлолома. Я никак не мог найти подходящие стихи, а задание редколлегии выполнить хотелось... Не нашел готовых, сам и написал сам!

*Виталий Судяков,
город Новосибирск*

В нашем пионерском отряде проходил сбор под названием «День защиты профессий». Мы выбрали профессию строителя. На сбор пригласили учащихся строительного ПТУ и рабочего-строителя, который всех нас пригласил после окончания школы к себе на стройку. Очень интересно рассказывал он о своей работе!

*Гая Кларек,
7-й класс, город Рубцовск,
Алтайский край*

Береги
Почку!

**А ЧТО МНЕ
ЗА ЭТО БУДЕТ?**

Учился в шестом классе Сашка Веселов. Хороший парень, активист, но был у него один недостаток: что ни попросишь, сразу ответ: «А что мне за это будет?»

**А ЧТО МНЕ
ЗА ЭТО
БУДЕТ?**

А одноклассники:
**А ЧТО НАМ ЗА
ЭТО БУДЕТ?**

— Сашка, дай карандаш, пожалуйста!

**А ЧТО МНЕ
ЗА ЭТО
БУДЕТ?**

Лев, подняв лапу, смотрит на Сашку.

**ЛЕВ, МИЛЕНЬКИЙ,
НЕ ЕШЬ МЕНЯ!**

Мама: «Саша, сходи в магазин».

**А ЧТО МНЕ
БУДЕТ
ЗА ЭТО?**

**КАК ЭТО МНЕ
БУДЕТ?**

**СПАСИТЕ,
ПОМОГИТЕ!**

Приснился однажды Сашке сон. Идет он с ребятами с экскурсией — по зоопарку... Вдруг из клетки выскакивает лев и несет прямо на него.

Сашка:

И Сашка проснулся. На следующее утро Веселов пришел в школу задумчивый. И ни разу за целый день не сказал: «А что мне за это...?»

БАБАК

Учитель ботаники:
— Какой стебель у гороха посевного?
Ученица:
— Усатый!

Прислала
Катя Платанина
из Астрахани

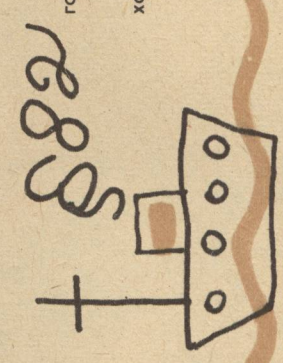
Учитель физики:
— На чем основано плавание судов?
Ученик:
— На 82-м параграфе, который задавали на дом.

Записала
Лена Д.
Рязань

Учитель:
— Что значит «сходить в туалет»?

Ученица:
— Ну, например, Фамусов ходил цугом по комнате.

Прислала
Таня Комоваленко
из Киева

Моему братишке три года. Он не выговаривает «р». Я ему говорю: «Скажи "ры-ба", а он говорит: "Калась!"».

Прислала
Натasha Матвеева,
Амурская область

По рассказу **Иры Барышевой,**
Москва

— Ящерица потому так называется, что любит жить в ящичке.

— Это не цапапина, а — разо-драшка.

Прислала
Женя Спераянская,
ст. Комарово

**ЗАДАНИЕ
УЧЕНЫХ
БОТАНИЧЕСКОГО САДА
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Перед вами карта Советского Союза. На карте — области распространения дикорастущего дуба. Эти области называются АРЕАЛАМИ. Красным цветом обозначен ареал дуба черешчатого, зеленым — монгольского.

Невелик ареал дуба черешчатого, а монгольского — и того меньше. Но и в пределах этих небольших площадей редко встречаются чистые дубовые леса. Обычно дуб растет вместе с другими породами деревьев. Вблизи границ

своих ареалов дуб встречается только в виде редких единичных деревьев.

Дуб имеет очень прочную и ценную древесину. Еще Петр I заботился о всемерном насаждении дубовых лесов. И все же вырубалось дубов всегда больше, чем выращивалось. Если посчитать, то окажется, что не так уж много растет в нашей стране этих ценных деревьев. Потому так важно знать точные границы распространения дуба.

Вы, ребята, можете помочь

в составлении самых точных карт ареалов дуба.

Ученым известно, что в «культуре» (то есть выращенный человеком) дуб встречается и за пределами указанных нами ареалов. Неизвестно только, как далеко на север и как далеко на восток распространен дуб черешчатый и где за пределами ареала встречается монгольский дуб.

Такие — у монгольского дуба

Такие листья и плоды у дуба черешчатого

ПРЕДЛАГАЕМ:

Всем, кто живет за пределами ареалов, показанных на карте, произвести разведку в своем городе, поселке и в ближайших окрестностях. Если вы обнаружите, что у вас растут

дубы, срочно сообщите нам о находке. К сообщению приложите фотографии или рисунки.

Для тех, кто живет в пределах ареалов, задание следующее: сообщать о находках других видов дуба, например, пробкового.

Особое внимание просим обратить на дубы-гиганты. К сообщениям о таких дубах приложите результаты обмеров.

НА ОСНОВАНИИ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ УЧЕНЫМИ БУДУТ СОСТАВЛЕНЫ НОВЫЕ УТОЧНЕННЫЕ КАРТЫ АРЕАЛОВ ДУБА.

ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ!

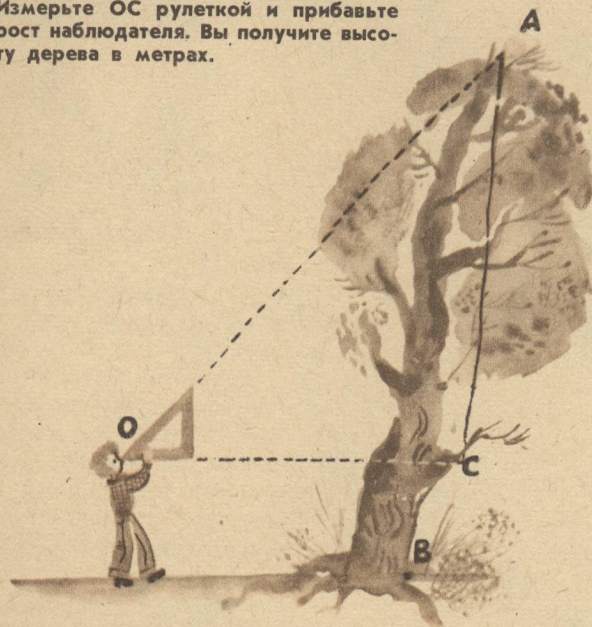
Наш адрес: «КОСТЕР»,
«ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ», ПОИСК

Измерение высоты дерева при помощи равнобедренного треугольника и рулетки

1. На дереве, на уровне глаз измеряющего, сделайте отметку мелом или краской.

2. Отойдите и визируйте: гипотенузу треугольника — на вершину, катет треугольника — на отметку.

3. В треугольнике $\triangle OAC$ $OC = AC$. Измерьте OC рулеткой и прибавьте рост наблюдателя. Вы получите высоту дерева в метрах.

Диаметр дерева можно измерить рулеткой (окружность ствола разделить на число π [3,14]).

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК— НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Мария Андреевна Сюткина на завод пришла пятнадцатилетней девочкой, из детдома. Взяли ее в листопрокатный цех — сажеметельщицей. Была раньше такая профессия, сметать с железных листов сажу и окалину.

Через год вступила в комсомол, затем в партию. Дали поручение — быть вожатой пионерского отряда. Пионерские отряды были тогда не в школах, а при заводах и фабриках... И в «листопротатке» был свой отряд — сто пятьдесят мальчишек и девчонок.

Работа с пионерами ей нравилась, и, наверное, поэтому послали ее в Москву, на первые курсы вожатых, где их учила сама Надежда Константиновна Крупская.

А потом — путевка на рабфак, учеба...

Целых тридцать лет связывают Марию Андреевну с Кировским заводом. И мастером была, и начальником лаборатории, и секретарем парткома завода.

Сейчас она на пенсии. Но пионеры до сих пор помнят ее: то в школу на сбор пригласят, то на линейку. Мария Андреевна шутит: «Красный галстук я на всю жизнь повязала...»

В. ВЕРХОВСКИЙ

Два верхних снимка, которые ты видишь на этой странице, сделаны в разные годы. Один рассказывает о первых днях работы молодого инженера Марии Сюткиной, на втором — начальник центральной лаборатории Сюткина проводит совещание с инженерами-технологами. А нижний снимок сделан совсем недавно. Пионеры одной из ленинградских школ пришли поздравить Марию Андреевну с большим праздником — пятидесятилетием со дня ее вступления в члены Коммунистической партии Советского Союза.

МАШИНЫ В ОБЛАКАХ

В. СТРУГАЦКИЙ

По извилистой горной дороге, приютившейся у самого края пропасти, натужно урча, карабкается груженный рудой самосвал. Мы сидим в накаленной от жары кабине и слышим тяжелое дыхание двигателей. И вдруг все вокруг обволакивает туман, в кабине становится холодно и через стекла машины трудно что-либо разглядеть. Гагик Данилян, молодой водитель сорокатонного БелАЗа, включил «дворники», и там, куда они согнали влагу, потекли маленькие ручейки.

— Это облако нас с тобой догнало, — улыбнулся Гагик. — Иногда даже забываешь, что в машине едешь, кажется, среди облаков, как в самолете, паришь.

Но вот туман исчез, как будто это был мираж, стекла высохли, стали прозрачными, в кабину снова пролезла жара, и перед нами показалась покрытая снегом вершина Гндзасаре.

В переводе на русский Гндзасаре — гора сокровищ. Ее недра богаты очень редкими и ценными металлами. Но как

вывезти все это богатство из карьеров? Это под силу только машинам-богатырям, таким, как у Гагика Данильяна, громадным самосвалам Белорусского автомобильного завода. Только БелАЗы могут трудиться на высоте 2300 метров над уровнем моря.

Гагик Данилян остановил самосвал, открыл дверцу и, словно по трапу самолета, мы сошли по ступенькам на землю.

— Пойдем к ручью, — предложил водитель. — Попробуешь, какая здесь вода вкусная.

Мы спустились в небольшое ущелье, я зачерпнул ладонями воду, и через секунду показалось, что положил в рот кусок льда — аж зубы заболели. А Гагик спокойно напилсь и даже брызгал себе в лицо этой немислимо холодной водой.

Потом начали выкарабкиваться из ущелья. И уже через несколько шагов я дышал так, будто разом взбежал по лестнице на двадцатый этаж. Смотрю, Гагик тоже запыхался. Постояв несколько минут, потихоньку добрались до машины.

— Не удивляйся, — слышу объяснение Гагика, — на такой высоте любое движение дается с трудом.

Я глянул вниз на бурный ручей, из которого мы только что пили воду, и даже обидно стало — спуск, вроде, не крутой, и прошли мы всего метров сто, а так запыхался. Но я-то что... Здесь, в высокогорье, даже у громадных БелАЗов, у которых каждое колесо — с человеческий рост, порой не хватает сил, на исходе дыхания.

— Мне дед рассказывал, что до революции в здешних местах всю поклажу на ишаках возили. Это был единственный транспорт — медленный и слабосильный, — сказал Гагик, когда мы забралась в кабину и поехали дальше.

За одним из поворотов я увидел целую колонну таких же БелАЗов и подумал, что мы поедем за ними.

И вдруг сворачиваем с дороги.

— Сейчас увидишь своего доктора, — ласково обратился водитель к машине, — он посмотрит, как твое здо-

ровые, и, если разрешит, опять будешь руду возить.

Через несколько минут подъезжаем к небольшому дому. И тут же к нам в кабину забрался какой-то пожилой человек. Он был в обычном пиджаке, без белого халата. И все же это был доктор. Он слушал шум мотора, как врач прослушивает сердце больного, вместе с Гагиком долго копался в двигателе, внимательно осматривая каждую часть огромного самосвала. И даже диагноз поставил: «Здоровье у машины отличное».

Доктора звали Алис Мисакович Марджанян. Он кандидат технических наук, руководитель уникальной высокогорной лаборатории Академии наук Армении, где исследуют поведение машин в условиях высокогорья.

В свои семьдесят два года этот человек сохранил юношескую непоседливость, способность тут же загореться интересной идеей и не пожалеть сил, чтобы воплотить ее в жизнь. Он может отправиться за тридевять земель и добиться, чтобы старый, полуразрушенный орган отпавил в небольшой армянский городок, где открывается детская музыкальная школа. А после найти мастеров, которые восстановят для ребят старинный музыкальный инструмент. Но самое главное — в свои семьдесят два года он может целый день трястись в машине, изучая ее здоровье. И любимое его слово — «обязательно». Обязательно сделаю... Обязательно напомяну... Обязательно добьюсь, обязательно...

Лабораторию Алиса Мисаковича называют комсомольской. Работают в ней молодые армянские инженеры, техники, водители-испытатели. Гагик Данилян тоже водитель-испытатель.

Почему же в горах машинам нужны доктора?

Оказывается, на высоте двигатели изнашиваются в два раза быстрее, чем в обычных условиях, работая на равнинах. Сильные машины с двигателями мощностью 360 лоша-

диных сил здесь работают лишь в 280 лошадиных сил. Чем выше в гору, тем больше этих самых лошадиных сил выдыхается.

Как бороться с таким недугом? Как увеличить продолжительность жизни автомобиля? Этими вопросами и занимаются сотрудники высокогорной автолаборатории — единственной в нашей стране.

Раньше двигатель огромного самосвала через 70 тысяч километров нужно было снимать и на его место ставить новый. Сотрудники лаборатории предложили свою модель двигателя. Теперь машина может без ремонта пройти 120 тысяч ки-

И вот он его построил. Но богатыря позвали на помощь люди, живущие на равнине, никогда гор не видевшие. И богатырь всего за несколько месяцев воздвиг целый город. «Почему ты такой сильный?» — спросили люди. — «Почему тебе все так легко дается?» — «Я родился в горах, — ответил богатырь. — Я привык к изнуряющему труду. А тот, кто привык к трудной работе, если дело полегче — справится быстрее...»

Так и наши самосвалы. Понимаешь, обязательно нужно сделать так, чтобы они работали здесь так же хорошо и прожили так же долго, как их

Испытатели автомобилей. В центре А. М. Марджанян

лометров. Мотору дана вторая жизнь.

Алис Мисакович показал мне большую пачку писем из Ленинграда, Норильска, Туркмении, Заполярья. Исследования армянских ученых, которые трудятся высоко в горах, интересуют множество специалистов, работающих на равнинах, среди льдов и снега, среди песков и болот! Почему интересуют?

Алис Мисакович задумался, а потом с улыбкой сказал:

— Понимаешь, жил-был богатырь. У него была трудная работа. На вершине громадной горы он строил себе дом. И таскал туда тяжелые валуны. Он строил долго, много лет.

собратья на равнинах. По нашим предложениям автомобилестроители постоянно совершенствуют все машины. А это значит, что и самосвалу, идущему по Прибалтике или среди снегов Заполярья, суждена долгая жизнь, он будет еще выносливее и надежнее. Понятно?

Я согласно кивнул головой. Тогда Алис Мисакович посмотрел на часы и велел нам ехать дальше.

И мы снова двинулись по петляющей горной дороге. И снова Гагик вел самосвал ровень с облаками.

Рисунки И. Дяткиной
Фото автора

Армянская ССР

СТРАНИЦЫ
ПОБЕД
ОКТАБРЯ

„Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть,—власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда“.

В. И. ЛЕНИН

Д. Моор, плакат, 1920 г.

1918 ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОГ

„...БУДЕМ УЧИТЬСЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ!
Создадим стройные ряды борцов революции.
ВЫСТАВИМ НЕПОБЕДИМЫЕ ПОЛКИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН!
Каждый завод, каждая фабрика, каждая мастерская и коммуна, село, волость, уезд, губерния — на защиту власти Советов!“

*Из листовки Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета
1918 год*

СЛОВО ГЕРОЯМ

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

«Командование 6-й армии начало операцию по освобождению города Шенкурска...

Во время этого исключительно тяжелого двенадцатидневного похода не раз приходилось ночевать под открытым небом при морозе 35—40 градусов. Особенно доставалось нашей пехоте. В легких шинелишках, в холодных сапогах пехотинцы шли по глубокому снегу, нередко проваливаясь по пояс. Выпекаемый попутно в деревнях хлеб так промерзал, что мы его, помнится, разрубали шашками, а потом прогревали за пазухой».

А. Н. КЛЕВЯДО,
помощник командира
конного отряда Хаджи-Мурата

А. Апсент, плакат, 1918 г.

А. Страхов, планат, 1921 г.

КОНЕЦ СЛАВА

1922

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«...Страна с огромной радостью встретила весть о победах 6-й армии, очистившей Советский Север от интервентов и белогвардейцев. Тяжелая и кровавая борьба с сильным врагом завершилась его разгромом... Воины молодой Красной Армии в течение почти полутора лет сдерживали напор войск противника на дальних подступах к Вологде и Вятке, не давая им возможности соединиться с войсками Колчака и создать единый фронт наступления на Москву и Петроград».

А. С. ГРИГОРЬЕВ,
командир 1-й бригады
18-й дивизии

ПЕТРОГРАДСКИЙ ФРОНТ

«Фронт не за тысячи верст... Сам Петроград — это фронт. Окопы в пяти километрах от центра города.

Наступает генерал Юденич...

Много нас, девушек, пришло в райкомы...

— Скорее, скорее, товарищи, получайте амуницию и на вокзал!.. Подают состав.

На платформе... стоят с узелками мокрые, растерянные, старые наши матери в слезах...

— Зачем ты едешь-то, такая маленькая?!

— Надо, мама.

— Без тебя, что ли, мало?

— Много, но и я должна».

Р. С. ВАСИЛЬЕВА,
медсестра

«Вечер 20 октября. (1919)... Орудия и пулеметы бронепоезда № 6 наготове... В расположении противника видны зарева пожаров. Около 3 часов ночи наш бронепоезд получает приказ: немедленно наступать на станцию Александровская. Для связи с соседними частями нам приданы курсанты-кавалеристы. Медленно трогаемся

„23 февраля 1918 года Советская Россия занимала пространство в **ОДИН МИЛЛИОН ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ** квадратных верст и насчитывала **61 МИЛЛИОН** жителей.

Строясь и закаляясь в непрерывных боях, продолжала свой великий путь Красная Армия. На фронте, растянувшимся **НА ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ** верст, она воевала против всего мира.

ВСЕ СИЛЫ СТАРОГО МИРА были испробованы, чтоб сокрушить первую рабочую и крестьянскую революцию...“

Из листовки Политического Управления Петроградского военного округа

с места. Временами приходится останавливаться, чтобы исправить взорванные пути...

Пехота обгоняет нас, бодро идет вперед... Затишье, как

перед бурей. Наводчикам указаны цели. И вот громкий голос командира бронепоезда: «Всем четырем орудиям — беглый огонь!»

Наше контрнаступление развивалось успешно. Вскоре белые были отброшены от Петрограда.

И. А. ОСИПОВ,
красноармеец 1-го
Путиловского стального
дивизиона

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

«Против Правобережной группы бросается первый добровольческий корпус Кутепова (в его состав входят дроздовцы и марковцы — лучшие части Врангеля)... И вот тогда впервые появился слух о танках. Что такое танк? Во всех четырех наших дивизиях

А. Аписит, А. Петров,
планат, 1919 г.

не было людей, имевших дело с танками...

Французские танки, тяжелые, солидные «Рикардо», оказалось, не были рады «встрече». На стальные чудовища с гранатами в руках бросались бойцы... Два танка оста-

Командующий Первой Конной армией **С. М. Буденный**
и член Реввоенсовета **К. Е. Ворошилов**

лись в нашем тылу. Другие, раненые, крихтя, переползли обратно.

...И когда наступило ясное степное утро, к разбитым двум танкам подползли наши бойцы, гладили еще горячими от ночного напряжения руками остывший металл. «Эх, даже танки не спасут тебя, беленький».

Р. П. ЭЙДЕМАН,
командир Правобережной
группы фронта

«Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам, под убийственным огнем, на проволоку противника... Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет Советским».

Из письма **В. И. Ленину** и
ЦК партии командующего
Южным фронтом
М. В. ФРУНЗЕ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

«И везло же нам на врагов! Не успеешь одному произвести расчет, как новых пара вырастает...

Первые капли дымящейся крови легли на иссушенную панским огнем почву...

Волжцы, руководимые уральским кузнецом Вострецовым, в свои медвежьи объятия шутя взяли бригаду 2-й польской дивизии.

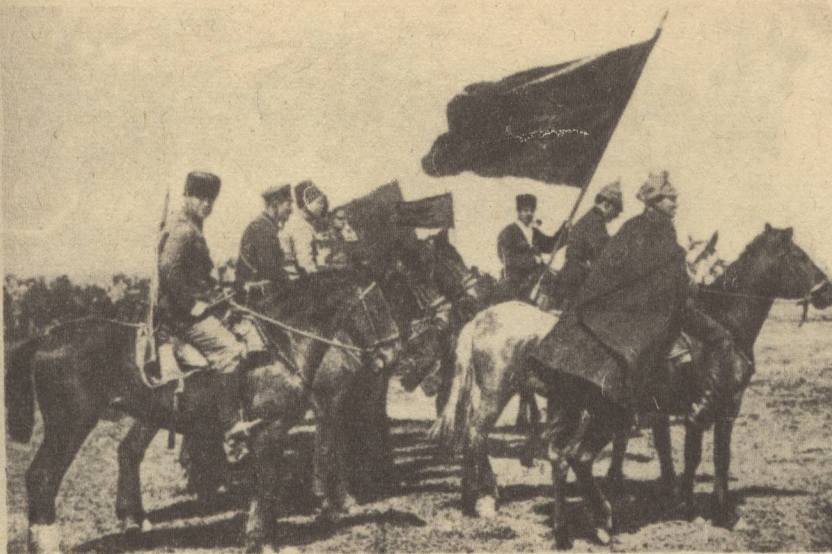
От этих объятий польская бригада чуть было не отдала дух пану богу...»

В. К. ПУТНА,
начдив 27-й Омской
стрелковой дивизии

«После боя к нам перешло около роты польских солдат, да еще под командой офицера... От волнения путая польские и русские слова, он рассказывал, что до армии был рабочим...

Порывшись в кармане, он протянул мне листовку с обращением к польским солдатам и legionерам, к рабочим и крестьянам. Внизу под обращением стояли подписи **В. И. Ленина** и **М. И. Калинина**. «Сражаясь против нас из-под палки польских панов, вы совершаете измену по отношению к будущей социалистической Польше и к рабочему классу всего мира».

С. М. БУДЕННЫЙ,
командующий
Первой Конной армией

Части Первой Конной армии в походе

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

«Я очень хорошо помню 13-летнего мальчика Ваню, который летом 1918 года приехал к нам в Самарскую дружину вместе со своим отцом... При взятии Сенгилея отца Вани убили... Ваня очень грустил,

В. И. Чапаев и С. И. Захаров на станции Николаевск

тосковал... Я взял его к себе в штаб, старался всячески утешить, но он настойчиво просил послать его в отряд, где служил его отец... Через несколько месяцев я узнал, что Ваня отличается большой храбростью и участвует во всех боях. Он часто ходил на разведку, принося очень ценные сведения. Погиб Ваня, как и его отец, в бою за великое дело Октябрьской революции...»

Г. Д. ГАЙ,
начдив

Симбирской Железной дивизии

«Товарищи, море белогвардейщины бушует вокруг нас! Да что море, океан! Черной тучей идут враги против нашей Родины, со всех сторон двигаются белые полчища, но любую силу противника мы обязаны разбить, и мы разобьем врага. Мы не дадим им объединиться, и белые не дойдут до Москвы».

Из обращения комдива 25-й
стрелковой дивизии

В. И. ЧАПАЕВА Д. Моор, планет, 1920 г.

«12-го (февраля 1922) вновь пошли в атаку, прокладывая свой путь через проволочные заграждения кто лопатами, кто штыком. Командиры шашками рубили заграждения, бойцы рвали проволоку руками, оставляя на ней кожу, рвали ее тяжестью своего тела. И когда в решающий момент боя единственный наш бронепоезд выпускал последние свои снаряды, а единственный танк «Рено» двигался на проволоку, сразу же подбитый противником, бойцы с криком «Даешь Волочаевку!» ворвались в расположение белых... Враг был сломлен, потерял веру в себя... В полосе железной дороги японским империалистам не удалось сохранить белогвардейских бандитов и удержаться самим в советском Приморье. Очень скоро прозвучали штурмовые ночи Спаска, и Владивосток, по выражению В. И. Ленина, стал нашинским».

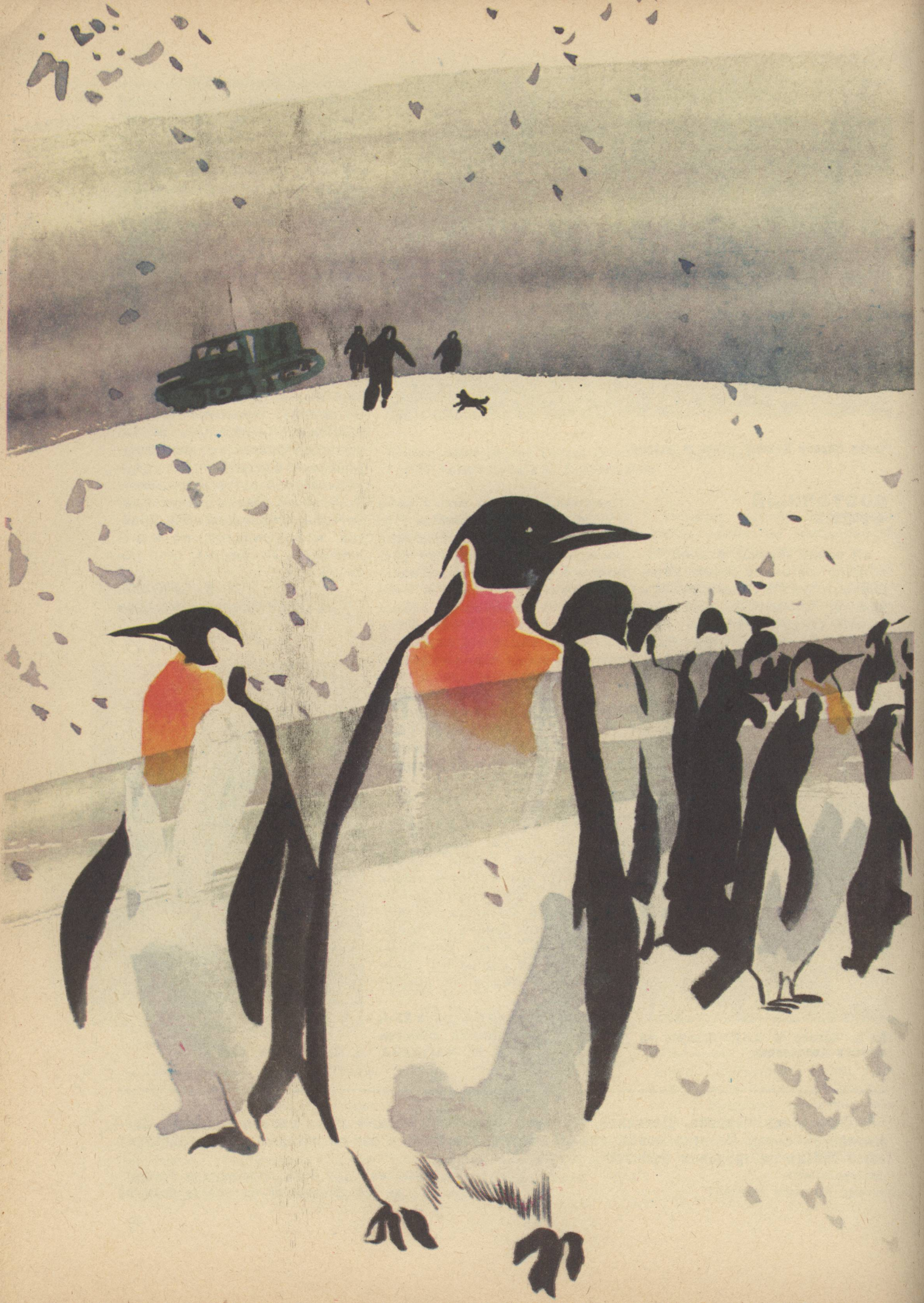
В. К. БЛЮХЕР,
Маршал Советского Союза

Д. Моор, планет, 1920 г.

„Победители Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля! Высший орган власти в стране, Всероссийский съезд Советов зовет вас на новую борьбу и к новым победам. Да здравствует наша победа на трудовом фронте!“

Из обращения „Ко всем трудящимся России“
на VIII Всероссийском съезде Советов

ПИНГВИНЕНОК

ПОВЕСТЬ

Л. СЕМЕНОВ-СПАССКИЙ

Рисунки С. Острова

ПЕРВЫЙ ПАЦИЕНТ

Ураган натворил на станции немало бед. До крыш засыпал снегом дома, повалил мачту радиоантенны, порвал стальной леер, соединяющий станцию с метеоплощадкой, по всему берегу раскатал бочки с горючим.

Начальник зимовки объявил аврал. Полярники вышли все. Одни принялись устанавливать поваленную мачту и крепить ее металлическими растяжками, другие отбрасывали лопатами снег от домов, а станционный врач Олег Иванович Сапрыкин и биолог Анджей Липовски отправились на вездеходе собирать бочки, чернеющие на снегу.

К вездеходу они прицепили деревянные сани. Машина глухо заурчала, пальнула синим дымком выхлопной трубы и, разбрасывая гусеницами снег, покатила к берегу.

На самом выезде из поселка их догнал пес Парамон и ловко запрыгнул в сани.

— Возьмем Парамона в кабину, — предложил Анджей, притормаживая на спуске. — Веселее втроем.

— Добро! — Олег Иванович распахнул дверцу кабины. — Парамон, ко мне!

Пес соскочил с саней и в два прыжка очутился у вездехода. Олег Иванович подхватил его, усадил к себе на колени. Парамон завилял пушистым хвостом и лизнул Олега Ивановича в щеку.

Родителей Парамона — эскимосских лаек, завезли в Антарктиду из Гренландии. А Парамона подарили своим советским коллегам австралийские полярники. В январе они прилетали на станцию Изумруд.

Жил Парамон в тамбуре щитового домика с красным крестом на входной двери. Домик стоял в самом центре поселка.

Вездеход, переваливаясь на снежных заступах, катил к берегу.

— Соберем бочки, вкопаем в снег. Чтобы следующим ураганом их не разбросало, — сказал Олег Иванович.

— Давно пора додуматься.

Невдалеке от берега под защитой невысоких айсбергов селилась большая колония императорских пингвинов, и полярники старались как можно реже выходить на лед, чтобы не тревожить птиц, недавно выведших птенцов.

Но сейчас на льду темнело лишь несколько бочек, припорошенных снегом.

— Где же пингвины? — спросил Анджей.

Олег Иванович поглядел по сторонам, потребил бороду, вытер носовым платком стекла очков в металлической оправе, неторопливо водрузил их на переносицу и неуверенно предположил:

— Может, за айсбергами прячутся?

— Но ураган-то закончился! Могли бы и вылезти.

— В себя прийти не могут. — Олег Иванович погладил Парамона, развалившегося у него на коленях, и вдруг сказал:

— Знаешь, Анджей, по-моему, есть что-то загадочное в пингвином житье. Почему, например, они выводят птенцов зимой?..

Анджей пожал плечами. Олег Иванович продолжал:

— Их гибнет колоссальное количество в первые же недели своей жизни. От ветров, от морозов...

Припай был белым, пустынным, вдали возвышались ледяные громады айсбергов, отличающиеся купоросной голубизной. Ни одного пингвина не было видно.

Вдруг из-за мыса показалась процессия.

— Анджей! — Олег Иванович толкнул Анджея в бок. — Смотри!

По льду важно шествовали пингвины.

Выстроившись в колонну, торжественно, в тишине, птицы направлялись в сторону остроконечного айсберга. Их движения были плавны, ритмичны, казалось, пингвины идут в ногу.

С берега уже подкрадывались темно-синие сумерки.

Когда погрузили на сани бочки, была уже ночь. Где-то в морозной тишине потрескивали льдины, под ногами поскрипывал снег. С берега тянуло холодом. Вдруг Парамон отрывисто, с подвизгом залаял и принялся разгребать лапами снежный холмик.

— Нашёл что-то! — Олег Иванович выглянул из кабины.

Парамон волочил по снегу какой-то темный предмет. Шапку-ушанку, что ли?

Олег Иванович вылез из вездехода, присел на корточки, похлопал ладонью по колену.

— Ко мне, Парамон! Ко мне!..

Щенок положил перед ним находку и завилял хвостом. Казалось, он хотел сказать: «Вот какой я молодец! Вот что я нашёл!»

— Птенец! Пожалуй, ему месяца полтора. Замерз бедняга. Какой пушистый, смотри

Анджей! — Олег Иванович поднял со снега птенца и протянул его Анджею.

— Пан доктор! — воскликнул Анджей. — Да он жив! Клюв разинул!

Пингвиненок шевельнул головой, приоткрыл глаза и жалобно пискнул.

— Лапка кровоточит и крылья вроде перебиты?

— Давай-ка я осмотрю его. — Олег Иванович влез в кабину, включил свет, снял рукавицы, подышал на ладони, складывая их лодочкой у рта, и принялся осторожно ощупывать птенца. Когда он прикасался к крыльям, пингвиненок пищал, вертел головой и вырывался из рук.

— Так-с... Диагноз ясен — закрытый перелом обоих крыльев... Сильный ушиб грудной клетки. Ребра, возможно, тоже повреждены.

— Что же делать?

— Необходима срочная медицинская помощь.

— А вы, пан доктор, умеете лечить пингвинов?

— Это будет первый случай в моей тридцатилетней врачебной практике. — Олег Иванович прикрыл пингвиненка полой куртки.

За восемь месяцев зимовки на станции Изумруд у доктора Сапрыкина не было ни одного пациента — полярники оказались людьми на редкость здоровыми. Никакие болезни не приставали к ним. Вынужденное безделье порой угнетало врача, привыкшего всю жизнь много работать. Он ворчал:

— Эдак всю науку забуду. Лечить разучусь.

И вот — первый пациент.

Олег Иванович поставил пингвиненка на стол и важно проговорил:

— Поврежденные крылья необходимо фиксировать, пока не срастутся кости.

— Гипс будем накладывать? — поинтересовался Анджей, позванивая в углу стерженьком рукомыльника. Облачившись в белый халат, он собирался помогать доктору.

Олег Иванович глянул на Анджея поверх очков.

— Поврежденное крыло мы вложим в лубок, молодой человек. Ветеринары никогда не пользуются гипсовыми повязками. Мне это известно доподлинно. В молодости я служил в кавалерийском полку ветеринаром. И даже вылечил одну тяжелобольную лошадь.

Парамон сидел на полу и, вывалив из пасти язык, с любопытством поглядывал то на доктора, то на Анджея, то на пингвиненка, стоящего на столе — пес жил в медицинском доме и, разумеется, считал себя причастным к лечению больных и к медицине вообще.

— Заведём историю болезни? — спросил Анджей, присаживаясь к столу и свинчивая колпачок авторучки. — Итак, имя?

— Пиня, — не задумываясь, ответил Олег Иванович.

— Почему Пиня? — удивился Анджей.

— Может, ты подберешь другое уменьшительное от слова пингвин?

— Пинг... Пингуша...

— Все равно — Пиня.

— Так и запишем... Возраст?

Олег Иванович приставил к пингвиненку линейку.

— Рост двадцать пять сантиметров, следовательно, полтора-два месяца. Наш пациент совсем юн, переломы должны срастись быстро.

Здрав голову, пингвиненок сосредоточенно разглядывал лампочку под потолком. Наверное, она казалась ему маленьким солнцем.

— Возьми карандаш, Анджей, и расщепи его ножом вдоль.

— Готово, пан доктор, — Анджей протянул Олегу Ивановичу половинки карандаша. — Что еще?

— Узкий бинт.

Олег Иванович укоротил половинки карандаша и осторожно прибинтовал их к крыльям пингвиненка.

— Закрепим крылья у туловища, чтобы он не размахивал ими — не сбивал повязку. Широкий бинт, Анджей!

Врач запеленал Пиню так, что из бинтов торчали только голова, острый хвост и лапы.

— Куда же поселить пациента? В комнате ему будет, пожалуй, жарковато.

— По соседству с Парамоном, — предложил Анджей, — в тамбур.

Услышав свое имя, щенок застучал хвостом по полу.

— Давайте посадим птенца в ящик из-под папирос, чтобы никто случайно не наступил на него.

— Идея!

Анджей прошел в соседнюю комнату и принес оттуда фанерный ящик с надписью: «Беломор-канал».

— Отдельная палата!

Пингвиненок широко раскрыл клюв.

— Есть просит! — догадался Олег Иванович. — Все мы с тобой, Анджей, продумали, а вот что птенец — живое существо и ему есть надо, — забыли! Чем же его кормить?

Пиня раскрыл клюв еще шире и потянулся к доктору.

В комнату без стука вошел Коля Косенко — метеоролог. Отбросил капюшон штормовки и уставился на пингвиненка.

Олег Иванович сдвинул на лоб очки.

— Раздевайся, Коля. Чем пингвинята питаются, не знаешь?

— Живой! Настоящий! — заговорил Коля. — Новый зимовщик. — Он хлопнул в ладоши:

— Побегу на камбуз!

— Бифтекс притащит или шашлык, — Олег Иванович улыбнулся, покачал головой и посадил пингвиненка в ящик. — Чем же мы все-таки его кормить будем?

Анджей распахнул пухлый том энциклопедии.

— Взрослые пингвины питаются рыбой. Тут так и написано.

— Пиня не сможет глотать рыбу.

— Может, попробуем его кормить фаршем?

Пингвиненок запищал, торопливо застучал клювом по стенке ящика. Анджей кинулся на камбуз за фаршем.

В сенях раздался густой бас станционного повара Михал Михалыча:

— Где же он?

Массивная фигура повара заняла весь дверной проем. Он шагнул в комнату и заглянул в ящик.

— Такс-такс... Манную кашу употребляет? Омлет уважает?

Олег Иванович улыбнулся, взял со стола распахнутую энциклопедию и прочитал вслух:

— «Основная пища императорских пингвинов — рыба и антарктический криль».

— Карликовая креветка, — пояснил Анджей.

— Креветок у нас на складе нет. Есть крабы. К празднику берегу, но коли такое дело...

— Да не будет он крабов есть! — Олег Иванович включил электроплитку, поставил на нее чайник. — О рыбе давайте подумаем. О рыбном фарше, например...

Вернулся Анджей с молотым мясом.

Олег Иванович размешал в стакане сухое молоко с водой и фаршем.

— Ну-с, — сказал он, — доставайте из ящика нашего пациента.

Забинтованного Пиню снова поставили на стол. Пингвиненок неуклюже проковылял по столешнице к Олегу Ивановичу и широко раскрыл клюв.

Олег Иванович слепил из фарша маленький

комочек, сунул его в раскрытый клюв пингвиненка. Птенец дернул шейю, быстро проглотил фарш и снова раскрыл клюв.

— Ура! — крикнул Коля.

Олег Иванович скатал в пальцах следующую порцию фарша.

Пиня проглотил еще комочек и снова раскрыл клюв.

— Отличный аппетит, — заметил повар. — Я вам завтра, ребята, целое ведро рыбного фарша накручу.

— К фаршу хорошо бы добавить печени трески. В ней много витамина Д, — сказал Анджей, наблюдая за пингвиненком.

— Сделаем, — пообещал Михал Михалыч.

Поздним вечером ящик с Пиней вынесли в тамбур, погасили в доме свет и легли спать.

Олег Иванович никак не мог уснуть. Он зевал, ворочался с боку на бок, то сбрасывал с себя одеяло, то натягивал его до подбородка. Олег Иванович вспомнил жену Варвару Петровну и внука Митю.

— Не спится, пан доктор? — спросил Анджей. — Может, вам снотворное принести?

— Не надо.

«Сейчас Митька живет на даче, — думал Олег Иванович. — Вдвоем с бабушкой ходят в лес за грибами, а потом сушат их в духовке или маринуют и закатывают в банки».

В тишине комнаты громко стучали часы.

— А ты почему не спишь, Анджей?

— Не знаю.

«Митька загорел, наверное. Кожа на носу и на плечах облупилась. В Ленинграде — по радио передавали — очень жарко...»

За лето, наверное, читать выучился...»

Анджей заворочался.

— Ты вот что сделай, — посоветовал Олег Иванович, — ты закрой глаза и вспомни самый скучный день в своей жизни — сразу уснешь.

Анджей вздохнул, повернулся на другой бок. Он не мог вспомнить скучный день, потому что думал о своей невесте Ядвиге.

— Анджей, есть еще один хороший способ заснуть. Закрой глаза, мысленно представь перед собой море и начинай считать гребешки волн.

«Ядвига сейчас идет по улице, ничего вокруг не замечает, улыбается своим мыслям. Интересно, о чем она думает?..»

«Если будет хорошая осень, мои будут жить за городом весь сентябрь. Ах, как красиво в осеннем лесу! Светло, тихо...» — думал в это время Олег Иванович.

Олег Иванович встал, сунул ноги в шлепанцы, накиннул на плечи куртку и строго сказал Анджею:

— Приказываю вам спать, молодой человек!

— А вы сами, пан доктор?

— А я уже в том возрасте, когда людям не спится, — Олег Иванович вздохнул, прошел

в амбулаторию, щелкнул выключателем, подсел к столу, положил перед собой лист бумаги и размашисто написал: «Здравствуйте, мои

дорогие!» Потом задумался, медленно зачеркнул написанное и вынул из ящика стола чистый лист бумаги.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Митя! Сегодня я расскажу тебе о новом жильце нашего медицинского домика. Это императорский пингвиненок.

Он появился на свет в разгаре зимы. Было так холодно, как бывает только в Антарктиде и нигде больше на земном шаре.

Если бы пингвины, как люди, выдавали своим детям документы о рождении, то свидетельство о рождении пингвиненка выглядело бы так:

Имя: ПИНЯ.

Место рождения: МОРЕ ДЕЙВИСА, РАЙОН ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ ИЗУМРУД.

Дата рождения: 12 ИЮНЯ 197... ГОДА.

Родители: мать — КИЯ.

отец — КИР-КИР.

Пиня был первенцем, и наверно, именно поэтому, онемев от изумления и восторга, молодая Кия зачарованно глядела на своего сына. Он ей казался таким красивым, таким ладным, таким умным, что она ни на секунду не усомнилась в его абсолютном превосходстве над всеми другими птенцами колонии. Да и как же иначе?!

— Пиня! Пиня! — говорила она, склоняясь к пингвиненку.

А Пине было холодно и совсем неудобно. Он вздрагивал, прижимаясь мокрым тельцем к брюху матери, жалобно попискивал и косился на скорлупки яйца, из которого вылупился. В яйце ему было лучше — теплее, по крайней мере.

Вскоре Пине захотелось есть. Он запрокинул назад голову и широко раскрыл клюв.

Мать взяла его клюв в свой и отрыгнула пищу.

Поев, Пиня огляделся. До самого горизонта белел лед. Редкими мрачными зубцами торчали огромные айсберги, подпирая своими верхушками небо. По льду расхаживали пингвины. Их было много.

На берегу темнели домики и возвышались мачты антенн. Окна домиков ярко светились, словно кто-то вставил в них звезды, снятые с неба.

— Кто-то там живет? — спросил Пиня, с любопытством поглядывая на берег.

— Люди, — ответила мать. — Они совсем как мы, пингвины, только не умеют нырять и плавать. Лапы у них длинные, крылья у них тонкие, а сами они тощие и суевливые. А главное, они не высиживают птенцов, — вздохнула она. — И зачем только они живут?

Рос Пиня быстро. Тело его покрылось густым пухом, таким плотным, что никакой мороз его не пробивал, никакой ветер. Голова его стала черной, а спина белой, грудь и крылья — светло-серыми. Вокруг глаз и на подбородке появи-

лись белые пятна, а короткий хвост сделался черным и жестким.

Когда с берега задувал сильный ветер, по льду тянулись хвосты поземки и Пиня с матерью перебирались под защиту ближайшего айсберга. Они пережидали там непогоду.

— Где отец? — спросил как-то Пиня.

— Там, — показала мать в темноту крылом, — далеко на севере, где океан не покрыт льдом. Отец сейчас ловит рыбу.

— Зачем? — спросил Пиня.

— А затем, — пояснила Кия, — чтобы кормить тебя, когда я уйду к океану. Мы с отцом будем кормить тебя по очереди, пока ты не вырастешь и не научишься сам добывать пищу.

Низко над горизонтом появилось солнце, похожее на желтую каплю, и произошло чудо: лед засверкал, заблестели снежинки, внутри айсбергов замерцал голубой огонь, желто-красное зарево охватило весь горизонт.

— Видишь, — мать указала на солнце, — зима поворачивает на весну. Теперь солнце будет выходить каждый день.

Когда Пине исполнилось двадцать дней, у айсберга, за которым они с матерью прятались от непогоды, появился Кир-Кир. Был он наряден и удивительно красив. Вокруг его глаз и на спине росли оранжевые перышки. Грудь была белее снега, а спина и крылья — чернее беззвездной ночи.

— О, Кир-Кир! — тихонько прошептала Кия.

Она наклонилась к Пине и ласково сказала:

— Ты будешь таким же красивым и нарядным, когда вырастешь.

Пиня пялил глазенки-бусинки на отца. Кир-Кир неторопливо прохаживался в нескольких шагах от них и почему-то не замечал ни его, ни Кию.

— Может, он не узнает нас? — шепнул Пиня.

— Нет. Он просто очень гордый, — пояснила Кия. — Он самый красивый и самый гордый.

Наконец Кир-Кир склонил набок голову и небрежно поклонился Кие.

— Однако, ты очень исхудала, Кия, — заметил он. — Видать, наш сынок оказался прожорливым. — Взгляд Кир-Кира скользнул по пингвиненку, прижавшемуся к брюху матери.

— Да. Аппетит у него, хороший, — ответила Кия и подтолкнула Пиню к отцу. — Он прибавляет в весе, как ни один из птенцов.

Отец прижал пингвиненка к своей ослепительно белой груди и еще раз поклонился Кие, прощаясь с ней.

— Когда она вернется? — спросил Пиня.

— Через месяц, — ответил Кир-Кир. — Есть хочешь?

— Хочу. — Пиня раскрыл клюв.

Отец взял его клюв в свой и накормил такой

вкусной пищей, какой Пиня никогда еще не пробовал.

— Вкусно?

— Очень. Кия меня кормила хорошо, но не так вкусно.

— Свежие запасы. Они еще пахнут морем...

Пиня рос крупным птенцом. Когда ему минул месяц, он весил не меньше килограмма, а в высоту вымахал сантиметров двадцать.

— Ты уже достаточно взрослый, — сказал как-то Кир-Кир. — Пора приучаться к самостоятельности. Отведу-ка я тебя, пожалуй, в детский сад.

Они отправились к остроконечному айсбергу.

У айсбергов толпились птенцы. Они пищали, толкали друг друга и затевали драки.

— Это и есть детский сад, — сказал отец.

— А кто меня тут кормить будет?

— Дней через двадцать вернется Кия, она и накормит, — отец подтолкнул Пиню к пингвинятам и быстро зашагал прочь.

Вокруг детского сада расхаживали взрослые пингины.

— Новенький! Новенький! — запищали пингвинята, окружая Пиню.

Расталкивая обступивших его птенцов, Пиня бросился вслед за отцом. Но не успел он сделать и двух шагов, как один из взрослых пингинов сильным ударом клюва отбросил его назад.

— Бежать отсюда бесполезно, — пропищал шуплый пингвиненок, обращаясь к Пине. — Они с нас глаз не спускают. — Он указал крылом на взрослых пингинов, расхаживающих вокруг.

— А я хочу есть! — заплакал Пиня. Ему было горько и обидно. Болела ушибленная

спина. Все дальше и дальше от айсберга уходил отец и даже не оглядывался.

— И я хочу есть! И я хочу есть! — загалдели вокруг пингвинята, толкаясь и наползая друг на друга.

Пингины, охраняющие детский сад, все разом закричали и замахали крыльями. Вперед выступил сам Высокий Пингвин.

— Не галдеть! Вернутся ваши родители и накормят вас, а пока — терпите. Пингвинята могут не есть целый месяц.

Птенцы примолкли, теснее прижались друг к другу.

Вверху над айсбергом проплывали облака и лениво скручивались в спирали. В небе медленно гасли звезды. Луна скатилась за горизонт. Где-то вдалеке тревожно посвистывал ветер.

— Приближается пурга, — прокаркал Пингвин-Сторож.

— Да. — Второй Сторож задрал к небу голову. — Взгляните, как быстро закрывается горизонт. Дети, прижимайтесь поплотнее к айсбергу! — закричал он пингвинятам. — Живо! Живо!..

Ветер загрохотал вверху, потом упал вниз и закрутил на льду снежные смерчи.

— К ветру спиной! — скомандовал Высокий Пингвин.

Ураган швырял снег на птенцов, тесно прижимающихся друг к другу. Все вокруг утонуло в белой вихрящейся мгле.

Пиня чувствовал, как снежинки буравят его шубу и больно жалют тело. Он сжался в комочек, вобрал шею в плечи и пригнул голову к груди.

Потом ветер оторвал его ото льда, понес...

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ И АНДЖЕЙ

Когда в польском городе Кракове родился Анджей Липовски, Олегу Ивановичу Сапрыкину было тридцать лет. Он жил в Ленинграде и работал в больнице Морского пароходства, выходящей окнами на залив.

Анджей закончил Варшавский университет и получил специальность микробиолога. Его интересовали микроорганизмы, обитающие в холодных морях. Вот почему он поехал в Антарктиду вместе с советскими полярниками.

Олег Иванович сделался полярником случайно. За неделю до отхода экспедиционного судна в Антарктиду тяжело заболел врач, назначенный на полярную станцию Изумруд, и начальник экспедиции попросил Олега Ивановича поехать на зимовку вместо заболевшего.

Подумав три дня, Олег Иванович дал согласие. Пятилетний внук Митя, узнав, что дедушка едет в Антарктиду, обрадовался и попросил привезти ему кенгуру или, на худой конец, поугая.

С Анджеем Олег Иванович познакомился на борту дизель-электрохода «Обь». Их поселили в одну каюту.

Кабюта была маленькой. К переборке крепилась двухъярусная койка. В углу стоял крохотный столик, а на столе — ваза с белыми флоксами.

— Эти цветы я привез с Варшавы. Мне их дарила моя дорогая невеста Ядвига, — объяснил Анджей. — Вы — доктор? — спросил он.

— Угадали, — улыбнулся Олег Иванович.

— Мне сообщали, что со мной, возможно, будет ехать доктор.

— А я уж решил, что вы провидец. — Олег Иванович развязал рюкзак и вынул из него шлепанцы. — На какую станцию назначены, молодой человек?

— На Изумруд.

— И зимовать, значит, вместе!

Почти два месяца добирались они до своей зимовки. Их качал штормовой Бискайский залив, палило жестокое тропическое солнце. За время плавания Олег Иванович разучил три польских песни, а Анджей здорово научился говорить по-русски, играть на балалайке и петь под гитару старинный цыганский романс «Очи черные».

— Ну и дорога, — ворчал Олег Иванович, — плывешь, плывешь, а ей все конца нет. И дернуло же меня на старости лет!

Двадцать пять зимовщиков направлялось на станцию Изумруд. Были среди них и бывалые полярники, и новички. Люди совсем молодые и ровесники Олегу Ивановичу. Были говоруны и молчаливники. Высокие и малорослые... На корабле жили дружно. Часто ходили друг к другу в гости, и все как один занимались утренней гимнастикой на кормовой палубе.

Дня за три до подхода к станции полярники упаковали вещи и принялись писать письма на родину. Они знали, что только через год за ними придет корабль, и поэтому писали очень длинные письма — на десяти, а то и на двадцати страницах. Они как бы хотели обо всем написать заранее, потому что зимой послать письмо из Антарктиды нельзя, а в радиограмме много не скажешь.

Анджей писал невесте Ядвиге в Варшаву, а Олег Иванович внуку Мите и жене Варваре Петровне.

В Антарктиде был полярный день. Огромное золоченое солнце ни на минуту не уходило с неба. По льдинам бродили пингвины и долгим взглядом провожали корабль, плывущий на юг. В полыньях и разводьях плескались киты и тюлени. Над мачтами вились снежные буре-вестники.

Солнечным декабрьским вечером на судне раздался крик:

— Берер!.. Берер!..

Олег Иванович и Анджей выскочили из каюты.

Прямо по курсу корабля белел покатый берег и незаметно сливался с небом вдали. На берегу теснилось десятка полтора домиков, торчали тонюсенькие мачты радиоантенн.

— Внимание! — объявил по судовой радиотрансляции капитан. — Полярная станция Изумруд. Подготовиться к выгрузке!

В медицинском домике было три комнаты. В двух размещалась амбулатория и лазарет, а в третьей — самой маленькой — поселились Анджей и Олег Иванович. Единственное окно их комнаты глядело на юг, на дальние вершины снежных сопков. С юга, из глубины Антарктиды, дули частые ветры, взметая за окном снег. Ветры то потихоньку скреблись в стены домика, то грохотали, то наваливались с такой силой, что домик вздрагивал и казалось, вот-вот развалится.

Стены и потолок в амбулатории и лазарете, как и положено в медицинских помещениях, были покрашены белой краской, а жилую комнату строители почему-то выкрасили в зеленый цвет.

Зеленые стены жилой комнаты были не по душе ни Анджею, ни Олегу Ивановичу. Олег Иванович повесил над своей кроватью огромную карту мира, а Анджей всю стенку заклеил фотографиями своей невесты Ядвиги. Сто красивых Ядвиговых глаз смотрели со стены на Анджея, а заодно и на Олега Ивановича.

РАДИОГРАММА

Жизнь на полярной станции текла неторопливо и размеренно. У каждого были свои дела.

После завтрака Анджей, захватив ледовой бур, отправлялся на припай. За спиной в рюкзаке позванивали металлические батометры — приборы, которые он опускал на стальном тросике под лед. У самого крайнего домика, почти на выходе из поселка его поджидал гидролог Борис Викторович. Вдвоем они взваливали на саночки ручную лебедку и по отлогому берегу спускались на припай.

На припае они сверлили полутораметровый лед, устанавливали над лункой лебедку и опускали в море батометры. Приборы приносили им пробы с разных глубин.

Гидролог изучал соленость моря, температуру и химический состав воды, а Анджей — микроорганизмы, живущие подо льдом.

Дома в термостате он выращивал колонии микробов и подолгу разглядывал их под микроскопом. В плоских стеклянных баночках — чашках Петри — разросшиеся колонии напоминали лепестки цветов — красных, оранжевых, белых.

Метеоролог Коля Косенко следил за погодой. Через каждые четыре часа он отправлялся на метеоплощадку, расположенную в двухстах

метрах от станции. Чуткие приборы сообщали метеорологу о влажности и температуре воздуха, о скорости ветра и атмосферном давлении. Метеоданные передавались по радио на самую крупную полярную станцию в Антарктиде — Молодежную, где инженеры-синоптики обрабатывали их и составляли подробные карты, предсказывающие погоду для всего Южного полушария.

На окраине поселка, не замолкая ни на минуту, стучала дизельная электростанция. Здесь, меняясь через каждые восемь часов, несли вахту механики.

На камбузе — так моряки и полярники называют кухню — хозяйничал Михал Михалыч, готовил зимовщикам пищу. Во время работы он любил разговаривать вслух с кастрюлями и сковородками, пел для них арии из опер и декламировал стихи.

— О вы, надменные потомки! — восклицал он, обращаясь к кастрюлям, булькающим на плите.

Магнитологи изучали магнитные колебания земли и полярные сияния. Гляциологи исследовали льды.

У каждого были свои дела, и только Олег Иванович маялся от безделья. С появлением

на станции пингвиненка нашлось дело и для доктора. Теперь он ежедневно осматривал птенца, кормил его, взвешивал. Сунув под крыло градусник, измерял температуру и все записывал в историю болезни.

Пиня охотно ел фарш, сдобренный витаминами, рыбим жиром и тресковой печенью, и быстро выздоравливал. В первых числах сентября Олег Иванович снял с него повязки и выпустил на крыльцо.

Пингвиненок несколько раз взмахнул крыльями-коротышками, посмотрел на солнце, поднимающееся над припаем, спрыгнул с крыльца на снег и направился прямо к домику радиостанции, смешно, словно утка, переваливаясь с боку на бок.

— Радиограмму решил отправить! — крикнул гидролог Шекин. — Ишь, как вышагивает. Срочная небось радиограмма.

Заметив пингвиненка, шагающего по улице, полярники выскочили из домов.

— Сообразительный!

— Такой малыш, а понимает: главное на зимовке — радио: связь с миром.

— Сейчас заявление сделает для иностранных журналистов!

— Какое еще заявление?

— О бесплатном питании и лечении на нашей станции, — спецкор Федя опустил на колено и навел на Пиню фотоаппарат.

Пиня не обращал на людей ни малейшего внимания. Он важно вышагивал по снегу, выпятив грудь и слегка запрокинув голову. Следом за ним шел доктор, за доктором — Парамон, за Парамоном — Анджей с ледовым буром на плече.

Радист, увидев в окно пингвиненка, выскочил на крыльцо.

— Прошу, ваше величество! — Он поклонился Пине. — Я вас мигом с Северным полюсом свяжу. Там один мой знакомый белый медведь радистом работает. Учились когда-то вместе, дружили, в театры ходили...

Пингвиненок поднял голову, окинул медленным взглядом раскланивающегося радиста, переступил с лапы на лапу и решительно полез по ступенькам. Помогая себе крыльями и клювом, Пиня вскарабкался на крыльцо, важно оглядел полярников и шагнул в распахнутую дверь.

Спецкор Федя упал на снег и принялся шелкать фотоаппаратом.

— Первый визит после выздоровления, — торжественно и громко проговорил радист, — их величество совершили на радиостанцию, где им был оказан теплый и дружеский прием.

— Ура! — закричали полярники.

— Виват! — крикнул Коля, стараясь всех перекричать.

В радиорубке Олег Иванович поставил пингвиненка на стол, отошел к окну и закурил.

— Послушаем, что нового в мире. — Радист натянул на голову металлическую дужку наушников, подмигнул пингвиненку и принялся осторожно вращать верньер приемника, настраиваясь на нужную волну.

Тревожно запищала морзянка. Замигал зеленый глазок-индикатор.

Пиня прислушался. Может быть, писк морзянки напомнил ему голоса пингвинят.

— В чем дело? — нахмурился радист.

Вызывали австралийцы. Радист вставил в пишущую машинку бланк радиограммы.

— Что-то, должно быть, у них стряслось...

«Срочно! Советская полярная станция Изумруд. В два часа тридцать минут по гринвичскому времени к вам вылетел одномоторный биплан. На борту пилот Спаркс и профессор Мак-Горн. Связь с самолетом прервалась около пяти часов тому назад, когда машина находилась приблизительно в пятидесяти-шестидесяти милях к западу от вашей станции. Просим принять участие в поисках исчезнувшего самолета и его экипажа. Надеемся на успех. Начальник станции Моусон.

Лоу».

ПОИСКИ

Хотя до обеда оставалось полтора часа, все полярники собрались в кают-компанию. У карты Восточной Антарктиды ходил начальник станции, под подошвами его рыжих унтов тихо поскрипывали половицы.

Говорили наперебой:

— Возможно, самолет совершил вынужденную посадку.

— Но почему они не сообщили об этом на станцию?

— Внезапная поломка радиопередатчика?

— Может быть, они попали в снежный заряд и врезались в сопку? — предположил Михал Михалыч, выглядывая из раздаточного окошка. — Помню, был у нас такой случай, когда я зимовал на мысе Желания.

— Что гадать! — Начальник станции развел руками. — Действовать надо!

Скрипнула дверь, и в кают-компанию просунулась косматая голова Парамона.

— У нас на станции два вездехода. И тот и другой направим на поиски. Между вездеходами будет поддерживаться постоянная радиосвязь. Поисковую партию, направляющуюся по побережью, возглавит товарищ Сапрыкин.

— Есть! — ответил Олег Иванович.

— С ним пойдет Липовски.

— Добже!

— Третьим участником береговой поисковой партии я назначаю...

— Разрешите мне! — крикнул Коля и поднял руку. — Мне! Я вездеход водить умею. Я...

— А кто будет вести метеонаблюдения во время вашего отсутствия на станции?

— Я! — Михал Михалыч высунулся по пояс из раздаточного окошка и пригладил пышные усы. — И ребята помогут.

— О чем речь?! Конечно, поможем! — отозвалось сразу несколько голосов.

— Отпустите его с нами, пан начальник.

— Пусть будет по-вашему! — Начальник станции улыбнулся и махнул рукой. — Езжайте, Косенко!

Парамон переступил порожек кают-компания и бешено завилял хвостом. Наверное, он был рад за Колю.

Затем начальник станции приказал Михал Михалычу подготовить двухнедельный запас продуктов для поисковых партий, Олегу Ивановичу — две походные аптечки, механикам — как следует осмотреть вездеходы. На время своего отсутствия начальником станции он назначил гидролога Шекина.

— Моя группа пойдет напрямик, через горы. С группой Сапрыкина мы встречаемся здесь. — Начальник станции достал из кармана карандаш и нарисовал на карте кружок. — У сопки Анна. Итак, — он глянул на часы, — на сборы ровно двадцать пять минут. Если нет вопросов, все могут быть свободны.

— ...А где же Пиня? — вдруг спохватился

Анджей, когда они с Олегом Ивановичем вышли из кают-компания.

— Совсем забыл! Мы же оставили его на радиостанции.

Пиня спал, стоя на краешке стола, опустив голову и прижав крылья. Солнце рвалось сквозь окно и серебрило пух на его спине.

— Михал Михалыч о нем позаботится. — Олег Иванович снял рукавицу и погладил птенца.

Пиня вздрогнул и, решив, что настало время кормежки, широко разинул клюв.

Уже несколько часов вездеход катил вдоль берега. Свет фар выхватывал из темноты гребни снежных застругов. Машину мотало из стороны в сторону, как шлюпку на волне.

В черном небе висел легкий занавес полярного сияния. Он то медленно поднимался, переливаясь желтым и зеленым, то ниспадал к далеким айсбергам гигантскими подвижными складками.

— Если начнется метель, вряд ли мы отыщем австралийцев, — озабоченно проговорил Олег Иванович, поглядывая в боковое окно кабины. — Только бы не поднялся ветер!

— Трещина! — крикнул Коля, выбрасывая вперед руку. — Трещина!

Анджей нажал на тормоза. Машина взвизнула и резко остановилась.

Трещина была неширокой: метра два — два с половиной. Кое-где ее перекрывали снежные надувы.

Коля лег на снег, заглянул в разлом ледника. В лицо ему дохнуло холодом.

— Эге-гей! — прокричал он, сложив ладони рупором. — Эге-гей!

Трещина, помедлив, ответила глухим шелестящим эхом.

— Пожалуй, метров триста-четыре ста глубиной, — определил Олег Иванович, прислушиваясь к эху. — В такую ухнешь — костей не соберешь! Ты, Николай, ступай вверх по склону, а я пойду к морю. Поищем объезд.

— Может,ждемся рассвета? — спросил Анджей.

— Время дорого! — Олег Иванович закурил и зашагал вдоль трещины. Вскоре его фигура растворилась в ночи, но еще долго было слышно, как сухо шуршит снег под его унтами.

Коля отправился в противоположную сторону.

Олег Иванович вернулся через полчаса.

— Трещина тянется до самого берега. Обойти ее можно только по припаю. Но я нашел пологий спуск. Зови Николая.

Анджей несколько раз просигналил.

— Иду-у! — отозвался вдалеке Коля и замаяхал фонариком.

Утром они вышли к сопке Анна. Над припаем торчал край солнца и освещал небо на севере. На вершинах айсбергов лежали розовые блики.

Олег Иванович расстелил на коленях карту.

— Самолет, когда с ним оборвалась связь, был где-то здесь, — сказал он и нарисовал на карте квадрат.

— Я — «второй»! Я — «второй»! — Олег Иванович поднес к уху массивную трубку радиотелефона. — Вызываю «первый». Прием.

— Я — «первый»! — раздался в кабине голос начальника станции, слегка искаженный мембраной. — Слушаю вас, Олег Иванович.

— Вышли к сопке Анна. Приступаем к поискам.

— Вас понял. Добро! — отозвалась трубка и смолкла.

Анджей вел вездеход к сопке с плоской, словно срезанной, вершиной. Она возвышалась над всеми остальными и напоминала белую перевернутую миску исполинских размеров.

Сумрак медленно сползал по склонам сопки и нехотя рассеивался у их подножий. Солнце выскользнуло из-за горизонта и покатилося низко над припаем.

Начинался подъем. Надсадно выл двигатель. Лязгали гусеницы. Машина с трудом карабкалась по леднику. Склон становился все круче и круче.

Анджей выключил зажигание и устало откинулся на спинку сидения.

— Все! — выдохнул он. — Выше не подняться.

На вездеход рухнула тишина. Она казалась холодной и плотной, как вода на глубине.

— Перекусим и в путь! — распорядился Олег Иванович.

И тут они услышали странный звук. Казалось, кто-то торопливо постучал по фанерному листу костяшками пальцев.

— Что это? — спросил Анджей.

— Наверное, акустический обман? — предположил Коля, прислушиваясь.

Звук повторился. Он шел из кузова.

— Там кто-то есть! — Олег Иванович обошел вездеход и забрался в кузов.

— Эй, братцы-приятели! — услышали Анджей и Коля его сердитый голос. — Ну-ка, признавайтесь, кто из вас грузил ящики в вездеход?

— Что случилось? — Анджей и Коля выскочили на снег.

Олег Иванович вылезал из кузова, осторожно прижимая к груди пингвиненка. Пиня шурил глаза от яркого света и разевал клюв.

— Пан доктор, — покраснев, сказал Анджей, — это я виноват.

— Да ладно уж! — Олег Иванович махнул рукой. — Открывайте банку со шпротами — птенца кормить надо.

Соорудили из ветоши, смоченной соляром, костерок, укрепили над ним закопченный чайник, разогрели банку мясной тушенки, накормили шпротами Пиню.

Поев, посадили пингвиненка в кузов вездехода, переобулись в ботинки с металлическими шипами на подошвах — триконями, взяли ледорубы, моток нейлоновой веревки, взвалили на плечи рюкзаки.

Олег Иванович засунул за пояс штормовки ракетницу и первым зашагал вперед, к плоской вершине, четко выделяющейся на фоне голубого неба.

— Следите за дыханием! Два шага вдох, два шага выдох!

Через час они выбрались на плоскую вершину Анны. Отсюда хорошо было видно море, скованное льдом. Гряда айсбергов уходила к горизонту.

— Самолет! — крикнул Анджей. — Это они!

Внизу в ложбине стоял самолет, выкрашенный ярко-оранжевой краской. Он казался игрушечным.

— Ура! — закричал Коля и завертел над головой ледорубом. — Вынужденная посадка! Они живы! Эге-гей!

Олег Иванович выхватил из-за пояса ракетницу и несколько раз выстрелил вверх.

Людей вокруг самолета не было видно.

— Странно, — Олег Иванович поднес к глазам бинокль. — Куда же делись люди? Анджей, возвращайся к вездеходу и сообщи «первому», что мы нашли самолет.

— Добже!

Олег Иванович крикнул Анджее вслед:

— По распадку обогни Анну, а мы с Нико-

лаем спустимся напрямик. Остерегайся трещин! Не забудь покормить пингвиненка!

Они начали медленно спускаться. Впереди шел Коля, нащупывая ледорубом дорогу и вырубая во льду ступеньки. Следом за ними, подстраховывая его веревкой, спускался Олег Иванович.

С вершины Анны самолет показался им целехоньким, на самом же деле он был серьезно поврежден: сломано крыло, искарещен винт, погнуто шасси.

Коля постучал кулаком по фюзеляжу.

— Все-таки они врезались в сопку.

— Похоже, — согласился Олег Иванович.

В кабине самолета на одном из кресел темнело пятно крови. Кровью был забрызган и разбитый щиток с приборами.

— Теперь ясно. Кто-то из них ранен...

— Не могли дожидаться нас! — вырвалось у Коли. — Сидели бы себе спокойно. Тепло, тихо, продукты есть. — Коля сунул руки в карманы штормовки и принялся расхаживать вокруг самолета, что-то бурча себе под нос и качая головой.

Короток зимний день в Антарктиде. С юга, из глубины континента, пришла ночь и зажгла над сопками крупные звезды. Заметно похолодало.

Раздался близкий рокот вездехода. Темноту прорезал свет фар.

— Пан доктор, «первый» сообщает, что у них серьезная поломка двигателя. Они занимаются ремонтом.

— Значит, вся надежда на нас.

— Пан доктор, сейчас ночь. Идти по леднику опасно.

— Нельзя ждать рассвета, Анджей. — Олег Иванович вздохнул, размял окоченевшие на морозе пальцы и, сложив их лодочкой, подышал на них. — Мы знаем направление, по которому они пошли. За ночь нам необходимо преодолеть расстояние, которое они прошли за сорок часов. А там и рассвет. Ты, Коля, полезай в кузов и попытайся уснуть. Утром подменишь Анджея за рулем.

— А вы?

— Я пойду вперед по леднику. Держитесь за мной метрах в ста. Увижу трещину — подам знак.

— Но вы не спали почти двое суток.

— Ерунда! Заводи двигатель и свяжись с «первым». Сообщи: «Продолжаю поиск». — Не дожидаясь ответа, Олег Иванович шагнул в темноту.

Над сопками висели, разгораясь, мохнатые, словно заиндедевские, звезды. Оглушительно взвизгивал под ногами снег.

Зачихал мотор, отказываясь заводиться на морозе. Потом взвыл на высокой и долгой ноте. Ярче вспыхнули фары.

Всю ночь Олег Иванович шагал впереди вездехода, время от времени останавливаясь и постукивая ледорубом по льду.

Когда рассвело, они выбрались на невысокое плато. Вокруг теснились горы. До станции по прямой оставалось не более пятидесяти километров. Мороз спал. Над вершинами сопки посвистывал ветер, суля скорую метель.

Они перекусили, не разводя костра, чтобы не тратить время, и пересекли плато наискосок. Теперь Олег Иванович сидел рядом с водителем. За ночь лицо его резко осунулось,

посерело. Глаза ввалились. Не лучше выглядел и Анджей.

Где-то впереди наперерез им шел второй вездеход. Об этом сообщил по радиотелефону начальник станции. Они должны были встретиться через час-полтора.

Проснулся Коля. Анджей передал ему управление вездеходом, а сам перебрался в кузов и вскоре уснул, устроившись в спальном мешке.

Прошел час. Вездеход спускался в неглубокую ложбину.

— Палатка! — крикнул Коля, затормозил задремавшего Олега Ивановича. — Палатка! Это они!

Олег Иванович открыл глаза, щелкнул зажигалкой, прикуривая погасшую папиросу. Он забылся всего на минуту, убаюканный ровным гулом двигателя.

— Палатка!

Вездеход быстро покатил вниз по склону, подпрыгивая на снежных надувах.

У самого подножья сопки, стоящей несколько в стороне от других, синел прямоугольник палатки. Рядом с палаткой стоял человек и размахивал руками.

Олег Иванович щелкнул тумблером радиотелефона.

— «Первый»! Вышли на австралийцев. У палатки видим одного.

Человек в летном комбинезоне бежал навстречу вездеходу. Он что-то кричал и размахивал на бегу руками.

Коля притормозил.

Человек в летном комбинезоне подскочил к вездеходу, рванул на себя дверцу, сгреб в охапку Олега Ивановича.

— Хеллоу, рашен! — прокричал он, валясь вместе с Олегом Ивановичем в снег.

— Да погоди ты, медведь! — Олег Иванович поправил съехавшую на лоб шапку, заворочал плечами, вырываясь из объятий австралийца. — Русским языком тебе говорю — отпусти!.. Кто вы? — спросил он уже по-английски.

— Пилот Спаркс! — Австралиец ударил себя кулаком в грудь. — Мы не думали, что вы нас так быстро найдете.

— Что с профессором Мак-Горном?

— Мистер Мак-Горн в палатке. У него сломаны ноги и что-то с головой.

— Мак-Горн в сознании?

— Сейчас — да! Но после того как мы попали в туман и врезались в сопку, профессор почти сутки находился в забытьи.

Олег Иванович отряхнул со штормовки снег, протер очки.

— Я — врач... Коля, живо сумку, носилки!

Все были в палатке, и только Пиня важно расхаживал вокруг вездехода, стоящего на склоне. Он был похож на часового, которому поручили охранять машину.

Продолжение следует

РАБОЧАЯ

**У нас в гостях фрезеровщик,
Сидор Федорович**

Вы не задумывались, друзья, над таким вопросом, кто кого осилит, робот или человек? Уверяю вас, вопрос не такой уж простой, как может показаться вначале. Скажу больше, однажды, чтобы не гадать понапрасну, на одном ленинградском заводе взяли и устроили необычное состязание. В одном из цехов поставили несколько одинаковых станков, а рядом положили горы одинаковых заготовок. Затем судьи предложили соревнующимся занять рабочие места и дали команду приступить к работе. Опытнейшему токарю противостоял новичок, железный, поблескивающий никелем и свежей смазкой.

Работа звали Филя. Но это в кругу друзей. А если официально, то — Филипп Иванович. Свое имя он заимствовал у

АЗБУКА

заслуженный рационализатор РСФСР КОЗЛОВ

знаменитого ленинградского токаря Филиппа Ивановича Зайцева. Долгие месяцы ученые тщательно изучали все рабочие приемы Зайцева, а потом обучили этим приемам Филю.

Внешне стальной токарь неказист. И силы у него не больше, чем у пятилетнего ребенка. Единственная рука с клешней напоминает небольшой экскаватор, а о пальцах скорее скажешь пальчики. Такие они у него «нежные». Но по выносливости робот — чемпион.

Почему я так подробно о нем рассказываю? Да потому, что в том соревновании он уверенно вышел победителем. Да и как иначе! Расторопный Филя успевал обслуживать два станка, не знал «перекуров» и в обеденный перерыв не покидал рабочего места

Даже когда закончилась смена и его соперник, устало вытирая на лице пот, отправился домой, Филя остался невозмутим. Он продолжал неумолимо брать заготовки, ставить их на станок, давать сигнал на включение.

Когда наутро рабочие появились в цехе, весь пол вокруг робота был завален новенькими, безукоризненно сделанными деталями.

Видя, как неустанно трудится Филя, один молодой рабочий задумчиво сказал: «Неужто железный человек непобедим?»

Услышал я подобное признание и, честно говоря, растерялся. Что же это получается? Прежде чем прийти на завод, молодой человек учился в школе. После школы в ПТУ его обучали. И все-таки он до сих пор не понимает самого главного — разницы между

должностью робота и должностью рабочего. И даже если такой непонятливый один на тысячу, все равно не легче. Ведь он может всю жизнь простоять за станком, а такие чувства, как гордость за порученное дело и любовь к своей профессии, останутся ему неизвестными.

Мне пятьдесят два года. Тридцать пять из них простоял за станком. А полюбил я свою профессию давно, когда не было и пятнадцати. За что полюбил? Просто за то, что она дает человеку власть над металлом.

Мне нравится, что мои детали — кирпичики будущих гигантских машин и механизмов.

Помню, провожая меня в первый раз на завод, отец учил перенимать опыт старших. Вместе с тем предупредил: есть еще опытные мастера, не желающие делиться своими секретами. Даже работают эти специалисты «под брезентом».

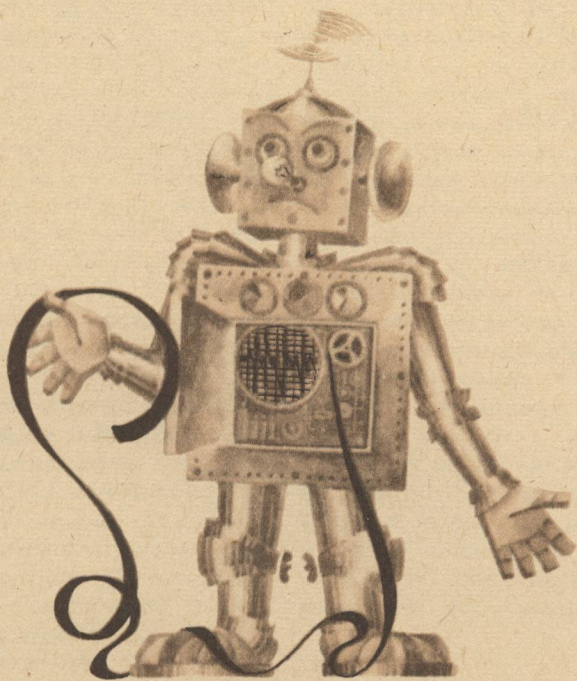
— Как это «под брезентом?» — недоумевал я.

— А очень просто, — отвечал отец. — Чтобы другие не подглядели, как выполняется, скажем, сложная сборка машины, слесарь накрывает ее брезентом. Сам забирается в эту палатку и там, при свете масляной лампы, колдует с деталями.

И надо же случиться такому: моим соседом в цехе как раз оказался «брезентщик»!..

Этого дядю я никогда не забуду. Скрывая от меня, молодого рабочего, свои профессиональные тайны, он только меня раззадоривал. И я решил доказать себе и всем остальным: что бы там ни случилось, а рано или поздно буду работать лучше «брезентщика».

Но сказать всегда легче, чем сделать. Особенно, когда сам понимаешь, что сосед свое дело знает. Да, что правда — то правда, работал он хорошо. Я бы даже сказал, красиво. Инструмент так и летал в его руках. И кусок металла постепенно, шаг за шагом, превращался в сложнейшую деталь — каретку. Эти каретки доверяли

делать только ему. Недаром у него был высший на заводе разряд фрезеровщика.

Но шло время. Предприятию год от года увеличивали программу. Больше нужно было и кареток. Еще быстрее летали руки рабочего за соседним станком. Наконец он стал даже оставаться после смены и работать во внеурочное время. Но секретов своих по-прежнему не уступал... В конце концов такого перенапряжения сосед-«брезентщик» не выдержал и заболел.

Незнакомую работу поручили мне, молодому коммунисту.

И тут хочется снова вспомнить робота Филю. Не ошибусь, если скажу: механический работяга для моего соседа был бы, пожалуй, образцом станочника. Почему? Стальные мышцы Фили не знают усталости. Эту исполнительную машину можно включить на любую скорость. Она готова трудиться круглые сутки. Да и брака в помине нет: детали падают со станка одинаковые, как шарики от подшипника.

Нет, я, конечно, не против автоматов и роботов. Но думаю так: если перед ними преклоняться, то и сам превратишься в одушевленный придаток машины.

Свои движения и рабочие приемы мой сосед отточил до совершенства. Можно ли их повторять еще быстрее? И здесь мы подходим к самому главному. А зачем повторять? Кому это нужно и к чему это приведет? В этом ли смысл труда настоящего рабочего?

Словом, вместо того, чтобы немедленно приняться за изготовление кареток, я принялся думать. Думал так долго, что в цехе даже забеспокоились, но я упрямо твердил: не торопитесь.

И вот на третий день, вечером, сижу на концерте своего любимого певца Сергея Лемешева. Сажу, слушаю песни, а сам все думаю о своем задании. И вдруг увидел, как в кино увидел, то, что не давало покоя. Увидел и понял:

всю технологию обработки кареток нужно менять.

Наутро я затребовал у начальника цеха неслыханное количество литых заготовок — в десять раз больше нормы. Любопытствующим пояснил: все у меня будет новым. Из тумбочки соседа не возьму даже резец. Сделаю его сам, да такой, какого до меня никто не выдывал.

Целый месяц моя работа была в центре внимания коллектива. Сто десять заготовок вместо одиннадцати были готовы уже на двадцать пятый день. Этот день стал праздником всей заводской молодежи. И концом «брезентщиков».

А теперь о том, с чего мы начали свой разговор.

Кто же кого осилит — робот или человек?

Мне кажется, что после того, как мы с вами уже кое в чем разобрались, вопрос правильной постановки так: что такое творческое отношение к делу?

Не так давно в Москве, на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства работала большая группа ленинградских рабочих-новаторов. Это были люди самых различных специальностей, но по своей рабочей сути люди очень и очень похожие. Сегодня они не смогут работать так, как работали вчера, а завтра не смогут работать так, как работали сегодня. И самое примечательное — никаких «секретных палаток» у них нет. На выставке они показывали свои приемы труда, демонстрировали свои изобретения и рационализаторские предложения, чтобы другие рабочие следовали их примеру. Об одной их новинке мне бы хотелось рассказать подробней. К теме нашего разговора она имеет самое непосредственное отношение.

Скажите, что вы станете делать, если мама попросит вас почистить кастрюлю? Не правда ли, возьмете мочалку и немного речного песку и приметесь за дело. Ну, а если нужно избавить от ржавчины

дноще гигантского корабля? Могу подсказать, раньше в таких случаях в ход шла практически все та же мочалка, только человека в ремонтном доке заменял робот. Робот, как вы понимаете, трудился добросовестно, и, казалось бы, лучшей механизации труда не придумаешь. Но ленинградский новатор Юрий Джангирович Гамзаев с подобным решением этой проблемы не согласился. «Ваш робот трудится дедовским способом, — сказал Юрий Джангирович, — производственный процесс выглядит очень несовременно». И Гамзаев создал удивительную пушку, стреляющую стальной дробью. Пушка эта замечательна тем, что она дочищает дно корабля от ржавчины. А дробь? Неужели она безвозвратно теряется? Нет. Вместе с ржавчиной дробь, не успев отскочить от металла, тут же засасывается тем же дулом. Грязь отстает, а дробины вновь разгоняются для атаки.

Согласитесь: перед творческой мыслью рабочего спасуют любые роботы.

Да и что такое робот? Робот — это ведь только помощник человека, а никак не соперник.

Скоро, очень скоро придет время, когда электронно-механические автоматы отнимут баранку у шофера, штурвал у капитана, займут место шахтера под землей и литейщика у раскаленного мартена. И мы будем им искренне благодарны за то, что механическую часть нашего труда они взяли на свои стальные плечи. А человек, в первую очередь, будет заниматься трудом творческим. Я искренне убежден, любое дело человек, подумав, может сделать лучше и быстрее самой разумной машины. Но, конечно, прежде, чем подумать и придумать, человеку необходимо вооружиться знаниями. На «легкую голову» в жизни никогда не сделать ни открытия, ни изобретения. На «легкую голову» можно быть только роботом.

Записал В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунок Ю. Иванова

СКАЗКИ ДЕТЕЙ ПАВЛЫШСКОЙ ШКОЛЫ

Есть на Украине в Кировоградской области большое степное село Павлыш. Обычное село с обычными жителями — трудовыми людьми.

А стало оно знаменитым, потому что здесь почти четверть века жил и работал замечательный педагог Василий Александрович Сухомлинский. Он был директором школы и академиком Академии педагогических наук.

«Костер» уже рассказывал об удивительной школе в Павлыше. А теперь вы познакомитесь с некоторыми сказками, которые сочинили ее ученики, младшеклассники.

На полках школьной библиотеки больше полусотни томов — рукописные альбомы и толстые тетради. А написали их самые обыкновенные ребята. Просто в Павлышской школе сказки сочиняют все.

ЧТО КУЮТ КУЗНЕЧИКИ

На высоком степном кургане с утра до поздней ночи куют кузнечики. У них здесь большая кузница. На большом листе крапивы устроили они себе наковальню. Берут полосу железа, меди, стали, кладут на наковальню и бьют молоточками. А что ж они куют?

А вот что: латы, шлемы, рога жукам. Со всей степи прилетают в кузницу рогатые жуки. Просят кузнечиков:

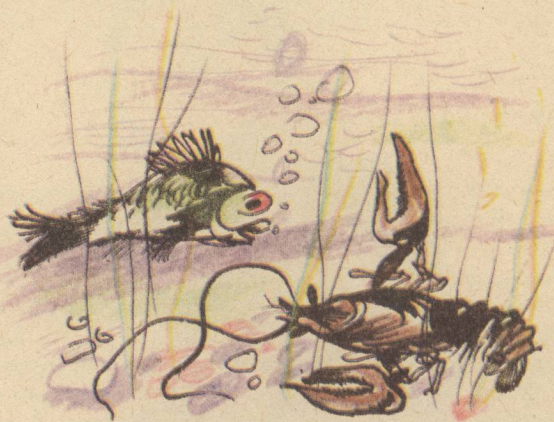
— Сделайте доспехи.
Кузнечики никому не отказывают.
Прочные доспехи жуков — все это работа кузнечиков.

ПОЧЕМУ ВЫПРЫГИВАЕТ ИЗ ВОДЫ РЫБА

Когда идет дождь, Рыба выпрыгивает из воды, как будто хочет что-то увидеть. Знаете, почему она выпрыгивает из воды? Она в самом деле хочет увидеть, что такое дождь.

Однажды к Рыбе приплыл Рак в гости. Поздоровался и говорит:

— Я на берегу был. Там дождь идет.

— А что такое дождь? — спрашивает Рыба.

— Это когда падают брызги воды.

— А что такое брызги?

Объяснял Рак, но Рыба никак не могла понять, что такое дождь.

— Лучше я сама на мгновение выпрыгну из воды и узнаю, что такое дождь.

Вот с того времени Рыба и выпрыгивает из воды.

КТО УМНЕЕ

Сошлись раз Козел, Бык и Баран и начали спорить, кто из них умнее. Один говорит, что он умнее, другой говорит, что он умнее. Никому не хочется быть глупее других. Пошли они к Ослу, чтобы он рассудил их.

— Осел, скажи, пожалуйста, кто из нас умнее.

Осел дал им задачу:

— Пусть каждый из вас скажет, почему растет трава. Кто скажет умнее, тот самый умный.

Бык говорит:

— Трава растет потому, что идет дождь.

Козел говорит:

— Трава растет потому, что греет солнце.

А Баран молчит. Молчал день, молчал два, молчал год, молчал два, молчал три года.

И Осел решил, что Баран умнее всех. Раз он молчит, значит, он знает все. А Козел и Бык хоть и говорили, но ведь они могли и ошибиться.

ПЕТУХ И СОЛНЦЕ

Дремлет Петух на насесте. Проснется, сладко зевнет и опять уснет. А перед утром вдруг запоет:

— Ку-ка-ре-ку!

Просыпаются куры. Петух говорит:

— Вот я пропел — и утро наступило. Вот так!

Так было много ночей. Однажды Петух рассердился на людей. Мало дали ему зернышек. Он и думает: устрою я вам неприятность — не пропою утром. Не взойдет Солнышко, что вы будете делать?

Наступила ночь. Улыбается во сне Петух сам себе, злорадствует: вот вам будет беда!

Пришло время петь, а Петух молчит. Закрыл глаза и спит.

Просыпается и видит: Солнце ярко светит, куры встали с насеста.

Стыдно стало Петуху.

ВОЛЧЬИ ЗУБЫ

Жил-был на свете Волк. Злой-презлой. В пасти у него страшные зубы — как ножи. Схватит зубами овцу — и сразу же разорвет. Все боялись Волка. И когда Волк был сыт, Баран проходил вблизи него и низко кланялся. Ему хотелось чем-нибудь задобрить Волка.

Он говорил:

— Волк-Волчище, какой ты сильный и мудрый, я тебя обожаю.

Много раз Баран пригонял маленьких ягнят Волку на ужин. Но вот Волк постарел. У него выпали все зубы. Он не мог съесть даже цыпленка, потому что во рту у него не осталось ни одного зуба. Стал Волк охотиться на лягушек. Заметил Баран, что Волк теперь не страшен, пришел к нему и стал насмехаться:

— Волк-Волчище, теперь я тебя не боюсь. Я ненавижу тебя, жалкая ты развалина.

Измученный Волк ответил:

— Значит, ты хвалил не меня, а мои зубы?

ВОРОБЕЙ У ВРАЧА

На лугу живет старый Ворон-врач. Он лечит птиц, спасая их от всех болезней. У него черный халат и большие очки. Больных принимает

он на большом пне. Там у него всякие трубки и лекарства.

Однажды к Ворону-врачу прилетел Дятел. Он подавился большим жуком. Жук стал поперек горла и не давал дышать Дятлу. Ворон-врач большой палкой протолкнул его. Дятел поблагодарил Ворона,

Потом к Ворону-врачу пришел Воробей на прием.

— Что у тебя болит? — спросил Ворон-врач.

— Голос потерял, — еле протянул Воробей.

— Не надо чирикать так громко, — посоветовал Ворон. — Я тебе лекарство дам, но оно не поможет, если ты будешь чирикать целый день. Птицы должны быть сдержанными и мудрыми.

Ворон-врач дал Воробью лекарство. Воробей лекарства попил и... зачирикал.

Какой же он Воробей, если не будет чирикать?

ЖУРАВЛЬ И ПОПУГАЙ

Журавль родился в гнезде на берегу нашего озера. Приближалась зима. Журавль пристал к стае других журавлей и улетел далеко на юг.

Там вечное лето, теплые воды, изумрудные берега, лазурное небо. В лесах много удивительных птиц: зеленых, синих, голубых попугаев. Все они поют, радостно кричат. А Журавлю нашему скучно.

Спрашивает Зеленый Попугай у Журавля:

— Почему ты скучаешь? Почему гнезда не мостишь, журавлят не высиживаешь?

Молчит Журавль в ответ, только поглядывает на север.

Рисунки В. Топкова

Вдруг он встрепенулся, прислушался к чему-то. Где-то раздался журавлиный крик. Радостный, тревожный...

Взлетел Журавль, догнал других журавлей.

— Куда же ты улетаешь? — удивился Попугай. — Ведь там холодно. Поживешь пять месяцев и все равно опять к нам прилетишь. Что там хорошего, на твоём холодном севере?

— А хорошее то, что я там родился, — ответил Журавль. — Там моя Родина.

Публикация
К. ГРИГОРЬЕВА И Б. ХАНДРОСА

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

С каждым днем весенним солнце выше,
У него немало нынче дел.
Надо снег убрать с полей и с крыши,
Надо, чтобы лес зазеленел.

Надо золото лучей веселых
Всем рабочим мира подарить.
Надо, чтобы в городах и селах
Людям веселее стало жить.

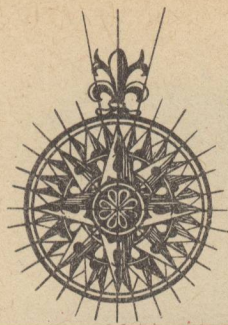
Надя Выходцева,
5-й класс,
ст. Зилово Читинской области

КОННИЦА

Мчится конница вперед,
Саблями сверкая.
Ветер свищет и поет,
Знамя развевая.

Разгромил отряд врагов,
Лошади заржали,
И бойцы под звон подков
В рошу ускакали.

Игорь Чемермазов,
6-й класс,
пос. Омчак Магаданской области

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 21-й

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

«Какие флаги были в русском военном флоте? Какие флаги можно считать первыми русскими военноморскими флагами? Если можно, нарисуйте их, пожалуйста...»

Дима Мирошниченко,
Херсон Полтавской области

Уже на первом русском корабле «Орел», который построили в 1667 году, развевался флаг. «Орел» был военным кораблем, и флаг его можно считать первым русским военноморским флагом (рис. 1).

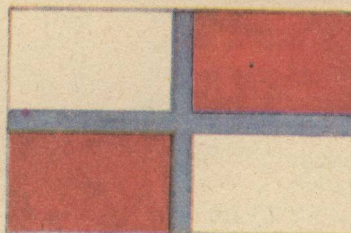
По-настоящему русский флот родился при Петре Первом. Тогда же Петр сам придумал кормовые флаги для кораблей (рис. 2, 3, 4). Флаги были разные по цвету и рисунку.

Всякий русский моряк помнил твердо слова морского устава: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги под штрафом лишения живота».

И никогда русские перед врагом флага не спускали.

В дни Великой Октябрьской революции над русскими кораблями взвились красные флаги. Посмотри на рисунок 5 — и ты увидишь флаг Центробалта — штаба революционных моряков.

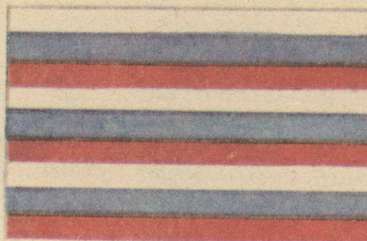
А это (рис. 6) — наш современный военноморской флаг.

№ 1

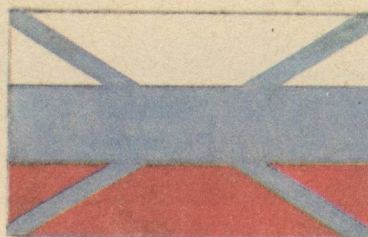
№ 4

№ 2

№ 5

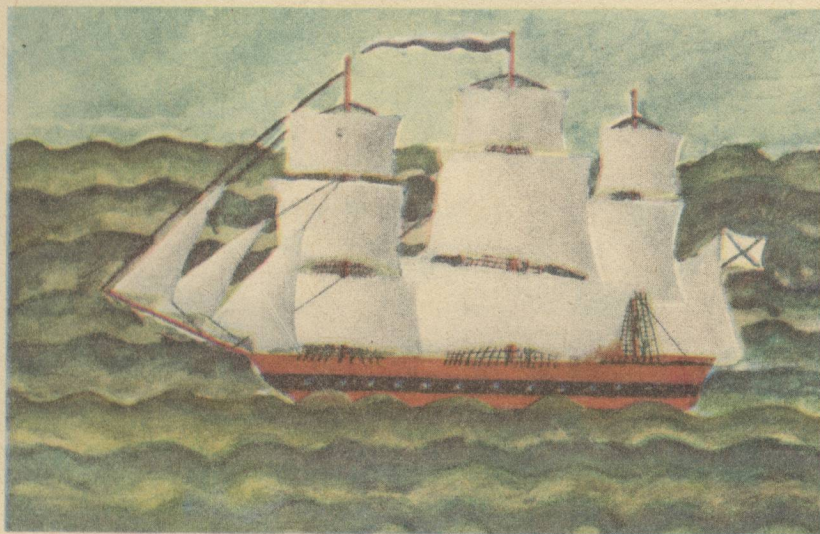

№ 3

№ 6

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ШЛЮП „МИРНЫЙ“ Женя Стариков, 13 лет, Воронеж

ШКОЛА ЮНГ

ОТВЕТЫ НА ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ:
окуляр (а) к биноклю (1), румпель (б) к рулю (2), винт (в) к корме (3), флюгарка (г) к транцу шлюпки (4), пеленгатор (д) к компасу (5), шток (е) к якорю (6).

На второе занятие боцман Румпель принес уключину. И сказал:

— Хорошая уключина. Испытанная, надежная... У шлюпки-шестерки их шесть. И еще запасные. Но представьте себе, что вы их все потеряли... Как закрепить весла для гребли?

Все юнги «Морской газеты» справились с этим заданием... А вы, читатели?

Ответы на второе задание нарисуйте. Ответы присылайте в адрес ШКОЛЫ ЮНГ «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

ОШИБКА

Дело было в Архангельске. По школьному музею шла экскурсия. Музей был посвящен воспитанникам Соловецкой школы юнг, а экскурсанты собрались необычные — бывшие юнги, которых разыскали пионеры. Они приехали в школу из многих городов страны и теперь слушали свою собственную историю...

Экскурсию вела девочка. Она переходила от стенда к стенду и говорила: «Вы видите, товарищи, бескозырку юнга Геннадия Клыкова...» Или: «Обратите внимание, здесь хранится комсомольский билет юнга Алексея Якушина...»

Дошла очередь до одной фотографии.

— Это, — сказала девочка, — юнга Павел Рева. Погиб он в последние месяцы Великой Отечественной войны...

И тут случилось совершенно непредвиденное. Один из гостей негромко сказал:

— У вас вышла ошибка... Я — Павел Рева, юнга Северного флота. Но только я не погиб, остался жив...

Вот что Павел Яковлевич Рева рассказал: «В тот январский день 1945 года корабль наш был в походе.

погиб. Ведь на нашем корабле юнги размещались в кормовых помещениях, а в корме после взрыва погибли все...»

Если вам доведется побывать в этом школьном музее, вы услышите эту самую историю. Надпись под фотографией Павла Яковлевича Ревы ребята исправили. И еще вы узнаете от них, что бывший юнга живет теперь в Харькове, работает на заводе инженером и очень подружился с пионерами-следопытами школы номер одиннадцать города Архангельска.

Олег ОРЛОВ

ПРО МАЧТЫ И ПРО ОТЛИЧНЫХ СВАРЩИКОВ

На знаменитой на весь мир немагнитной шхуне «Заря» нужно было заменить старые мачты. Для особой

крепости решили сделать их на этот раз не из дерева, а из прочной немагнитной стали. Кому такое важное дело поручить? Ведь мачты должны быть полыми внутри и ровными, словно из настоящей корабельной сосны. А изготовить их можно только из стальных листов. Листы надо было гнуть в трубы, да так, чтобы один конец — толще, другой — тоньше. А потом сваривать...

Поручили дело сварщикам Николаю Федоровичу Чеснокову. Николай Федорович двадцать пять лет работает на Канонерском судоремонтном заводе в Ленинграде. Для него невыполнимых работ нет... Недаром за великое мастерство ему недавно вручили медаль Выставки достижений народного хозяйства.

Мачты были сработаны ровней и

стройней сосновых. Увидите теперь шхуну «Заря», вспомните Николая Федоровича и его бригаду.

Николай Федорович Чесноков, мастер участка судоремонтного цеха

Один из его молодых учеников — сварщик Петр Копылов

Фото Б. Гесселя

ЖИЗНЬ МОРЯ

МОРСКОЙ ПАХАРЬ

Однажды ученые опустили телекамеру под воду. Медленно плывет судно, медленно плывет на экране изображение дна. Ил виден, песок да редкие водоросли... Ни рыб, ни животных. Скука!

Вдруг смотрят — на дне борозды. Одна, вторая, третья... Ряд за рядом. Да такие аккуратные: кто-то нарочно перекопал дно, разрыхлил ил, потрудился на совесть... Хоть сейчас сажай в борозды морскую капусту!..

Судно остановилось. Ученые смотрят. Вдруг на экране мелькнула тень. Видят ученые: плывет мимо камеры здоровенная туша. Круглая голова, затылок в складках, ласты к бокам прижаты, плоский хвост вверх-вниз колышется. Повернулась голова — усы, два клыка-бивня вниз торчат. Морж! Опустился зверюга на дно и давай клыками ил ковырять. Гребков десять сделал — грядку выкопал. Назад плывет — мордой в перепаханный ил тычет, из борозды раковины выбирает. Жители-то раковин — моллюски — народ хитрый, от врагов в ил закапываются. Здорово придумали, а морж — не хуже их: плывет, раковину за раковинной раскусывает... Чем не морской пахарь?

Самый старейший, самый высокий и самый первый...

Самым старым маяком в России считают маяк Кыпу на Балтийском море. Построили его в 1513 году. А самым высоким — Сторожетский маяк на бурном Ладожском озере. Его высота — 71 метр.

А есть ли новые маяки, которые «самые-самые»? Да, есть. Это самый первый в мире советский атомный маяк. Светит он кораблям на Балтике.

ЛЫЖНЫЙ КУРЬЕР

РАССКАЗ

Б. ШТЕЙН

Рисунки **А. Ежелина**

Павел Матвеевич не довоевал войну. Он приехал в село, худощавый и энергичный старший лейтенант. Два ордена, четыре медали и пустой рукав рассказали нам про его славный боевой путь, который ему не довелось закончить в Берлине. Став военруком нашей школы, Павел Матвеевич военизировал ее до предела. Каждый класс превратился во взвод. Я в это время учился в пятом классе, то есть был бойцом третьего отделения пятого взвода.

И вот однажды Павел Матвеевич выстроил наш взвод на школьном дворе. Он принял доклад от командира взвода Черепанова третьего и велел всем поднять уши на шапках, и мы подняли уши. И уральский морозец стал нас прихватывать и покусывать, но мы стояли по стойке «вольно» и слушали, как Павел Матвеевич ставил нам задачу. Задача состояла в том, чтобы завтра утром доставить срочный пакет в Багарякский военкомат. Для этого из нашего взвода нужно было выделить одного лыжника, который мог бы пройти десять километров. Павел Матвеевич не стал вызывать желающих, потому что весь взвод сделал бы шаг вперед —

и в этом он не сомневался. Он внимательно посмотрел на нас и задумался.

— Черепанов пятый! — наконец произнес он.

— Я! — радостно тявкнул Мишка Черепанов, один из восьми Черепановых нашего класса.

— Потри ухо Михаилу.

— Есть, — разочарованно отозвался Черепанов пятый и принялся оттирать мне ухо снегом и шерстяной варежкой.

— Смотреть друг на друга, — приказал Павел Матвеевич.

— У кого ухо побелеет, оттирать без команды. Кто желает, опустите на шапках уши.

Желающих, конечно, не нашлось.

Он закалял нас таким образом, приучал терпеть боль и холод, и нам это нравилось, и мы не пищали и болели редко. Сам Павел Матвеевич носил военную шапку, лихо сдвинув ее на правую бровь, оставляя открытыми уши и стриженный наголо затылок.

Затем он позвал Лысцева Аркадия, и Лысцев Аркадий свернул ему «козью ножку», и Павел Матвеевич закурил. Выбор все еще не был сделан.

Я трогал свое пламенеющее ухо и грустно думало том, что меня, конечно, не выберут. Вообще-то, я бегал на лыжах не хуже деревенских ребят. Лыжи у меня, как и у всех на селе, были самодельные, вручную выструганные из досок. Кончики лыж я загибал тоже сам, подержав их немного в кипятке. Но я был маленького роста, щуплый и все-таки город-

ской, эвакуированный. А к городским на селе относились в лучшем случае снисходительно. И тут еще это проклятое ухо. Ни у кого почему-то не обморозилось, а у меня обморозилось.

И все-таки Павел Матвеевич выбрал меня. Чем он руководствовался, не знаю до сих пор, но хорошо помню, что в ту минуту, когда он произнес мое имя, я был абсолютно счастлив.

Не трудно представить, с какой гордостью заявился я домой при настоящих фабричных лыжах, и палки были с кольцами, — их мне выдали в школе.

Не так уж трудно себе представить, что сказала на это моя городская мама.

Она сказала на это:

— Нет.

А потом, уже в разгаре бурной полемики, она сказала:

— Только через мой труп.

И, конечно, не трудно себе представить, как я плакал и как был красноречив.

Но мама воскликнула:

— Это ж надо, посылать ребенка!

И пошла в школу объясняться с Павлом Матвеевичем, а я остался умирать от стыда и горя. И я думал тогда, что когда я вырасту и у меня самого будет ребенок, я никогда не подвергну его такому унижению, а, конечно, разрешу выполнять любые ответственные поручения.

Но тот день был для меня воистину днем испытания сильных чувств, потому что мама вернулась из школы довольно быстро и сказала буднично:

— Ладно, можешь собираться.

Как будто речь шла о том, чтобы пойти покататься с горки.

Теперь люди в подобных случаях, когда так бурно меняются обстоятельства, говорят:

— Так можно получить инфаркт!

Но я тогда не знал этого слова. Я попрыгал от счастья по избе и принялся подгонять крепления.

Дорога на Багаряк шла все время через лес, и поэтому было не ветрено. Я шел, экономя силы, как учил Павел Матвеевич: отдыхал на спусках и не спешил на подъемах. По

времени было раннее утро. Но над лесом стояла еще роскошная зимняя луна. Луна качалась огромным полукругом, потревоженная на срезе легким облачком.

Теперь я сравнил бы ее с обгрызленным куском мягкого голландского сыра. Но в то голодное время я не знал про сыр голландский. А звезды — звезды будто бы присаживались на кончики еловых веток, напоминая блестящие игрушки. И я вспомнил, что скоро Новый год и что на школьном утреннике я буду читать стихотворение о Красной Армии, которое сам сочинил. Животом я ощущал залитый сургучом конверт, и все это вместе было великолепно.

И тогда из леса вышел волк.

Сначала я думал, что это собака, но когда волк затрусил ко мне по дороге, продвигаясь частично прямо, а частично боком, я по походке понял, что это не собака.

Я сейчас спокойно пишу эти строки, и вы спокойно их прочтете, понимая, что раз уж я теперь сам об этом рассказываю, значит, волк тогда меня не съел.

Теперь вся эта история лежит в прошедшем времени, и легко вспоминать о ней, и шутить, и улыбаться. Тогда же она находилась в настоящем времени, и было совершенно не до шуток. Когда я почувствовал, как ослабели мои ноги, я понял, что испугался. Было очень обидно, что вот меня послали в Багаряк, доверили такое дело, а волку это все равно, и объяснить ему ничего невозможно. И тогда я заплакал, но об этом никто потом не узнал. Волк подошел ко мне довольно близко, постоял с минуту и ушел в лес.

А я пошел дальше.

В Багаряке военком успокоил меня, объяснив, что волк сейчас не голодный и на людей не нападает, вот весной — другое дело. Все же на обратный путь он дал мне ракетницу и велел в случае чего палить прямо по волкам ракетами.

Но обратно я пришел без приключений.

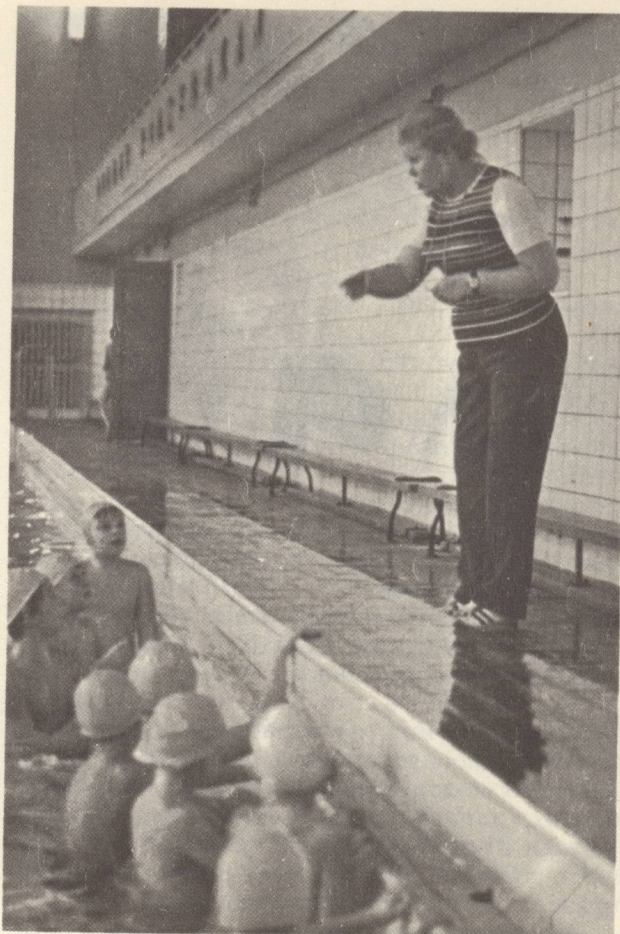
Я выполнил задание и был назначен за это командиром третьего отделения вместо Черепанова седьмого, который переехал с матерью в район.

Надо признаться, что когда я стал взрослым и сам начал ходить на родительские собрания, образ моих мыслей несколько изменился. И однажды я спросил у своей мамы, как же она все-таки решила тогда послать меня, двенадцатилетнего заморыша, одного через лес.

— Разве я тебе не говорила? — удивилась мама. — Павел Матвеевич шел следом за тобой и туда и обратно. И он был при пистолете.

ДВА БУКЕТА

8 Марта ребята договорились прийти в бассейн на полчаса раньше обычного.

Волнение в группе «лягушат», как называли в детской спортивной школе ДСО «Локомотив» самых маленьких, нарастало. Уже переодетые в тренировочные костюмы юные пловцы подбегали к окну, смотрели вниз, во двор.

«Несут, несут!» — и через несколько минут букет мимоз, освобожденный от целлофана, стоял в вазе на окне.

Ровно в двенадцать вошла Лариса Владимировна, преподаватель плавания, увидела букет, все поняла, засмеялась весело и счастливо, потом почему-то вздохнула, отвернулась на секунду.

В октябре 1942 года на Невском пятачке шло жестокое сражение. Прервалась связь. Командира взвода полковой разведки дивизии народного ополчения Ларису Дубравицкую вызвали на КП.

— Нужна артподдержка, а связи нет, — сказал командир. — Переплыть реку на лодке невозможно: фашисты накрывают любую цель. Единственный способ восстановить связь — идти ночью, вплавь, с катушкой провода на плечах.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

Русло Невы в этом месте широкое, но Лариса доплыла. Два ранения — обе руки, сильное обморожение, — попала в госпиталь и довольно долго там пролежала.

Все выздоравливающие жадно ловили новости с передовой, из Ленинграда. При первой же возможности спешили в штаб батальона, который был рядом: как там наши, когда же на фронт? И этот день настал.

Однажды Дубравицкая слышит: «Кто в артдивизион — регистрироваться у майора!»

Подходит — ушанка на глаза, худющая, ослабевшая, говорит тихо: «Дубравицкая!» А в ответ уже кричат: «Следующий!» Через несколько минут переключка: «...Дубравицкий!» И — по машинам!

Подбегает к полуторке, но влезть сил нет. Подсадили, и машина двинулась к месту расположения дивизиона.

Приехали. Сразу — в теплую землянку. Все солдаты сняли шинели, а Лариса все кутается, боится — назад отправят. Тут приходит комбат, Смирнов Всеволод Иванович.

— Почему не снимаете шинель?

Сняла.

Комбат как увидел — в крик: не возьму, и точка! Связист, да девушка. Нет, не нужна. Но младший лейтенант Дубравицкая оказалась с характером.

— В госпиталь не вернусь. Я — офицер Советской Армии, буду бить фашиста на нашей земле и в его логове! Была связистом, у вас на батарее могу служить электротехником-подрывником. На фронте не новичок, была комвзвода разведки, трижды ранена.

Видит комбат медаль «За отвагу», гвардейский знак... Так и осталась Лариса Дубравицкая в этом дивизионе. А дивизион был непростой — дивизион реактивных установок «катуш».

Трудно было. Трудно — не то слово! Вой снарядов, грохот, без конца переезды — смена позиций. Напряжение огромное, уставали — с ног валились. Снаряды у «катуши» тяжелые, подача вручную, потом раздирающий душу свирепый вой — лавина огня, грохот...

На залп, как говорили, «на сход» ракетных снарядов с рамы, отводилось ровно две минуты. Ни секундой больше! Две минуты сразу после окончания артподготовки «пела» «катуша», а на третьей минуте пехота уже поднималась в атаку.

И вот, наконец, весна 1945 года. Упорные уличные бои в Берлине. Долгожданный приказ: двигаться к рейхстагу!

Еле-еле пробираемся по улицам среди обломков зданий. Машина застряла. Под огнем фашистских снайперов таскаем на руках снаряды. Руки — кровавое месиво, кожа на ладонях сорвана. И так — трое суток.

Вечером 9 Мая бойцы принесли Ларисе Дубравицкой огромный букет сирени. Она сидела на ступенях рейхстага и впервые за четыре года войны плакала...

Через открытую дверь из бассейна доносится плеск — идут занятия. Лариса Владимировна смотрит на ребят — они уже в строю. А за окном — весенняя капель, и спортзал наполняется нежным запахом мимозы.

С. САПРОНЕНКО

Н. ФЕДОРОВ

ШИШКА

РАССКАЗ

Рисунки
А. Орлова

Во время большой перемены мы с Генкой стояли на школьном дворе и думали. А подумать над чем нам было. Следующий урок математика. Контрольная. А вчера мы целый вечер резались в городки и подготовиться, конечно, не успели.

— Вот если бы нас собака покусала, — мечтательно сказал Генка, — нас бы тогда отпустили.

— Отпустили бы, — сказал я. — Только перед этим по двадцать уколов. Против бешенства.

— Уж лучше уколы, чем контрольная, — вздохнул Генка.

— Да что там говорить. Все равно собаку негде взять. Не будешь же сам себя кусать.

Мы замолчали и стали глядеть, как пятиклашки гоняют в футбол.

Вдруг Генка просиял.

— Идея! — сказал он. — Сейчас идем к врачу и говорим, что у нас сотрясение мозга. Играли, мол, в футбол и в борьбе за верхний мяч столкнулись лбами. А теперь кружится голова и все такое.

— Так она нам и поверила. Ведь шишки нужны! Большие хорошие шишки.

— Сделаем, — сказал Генка.

— Как это — сделаем? — не понял я.

— Очень просто. Набьем. Что, у тебя шишек никогда не было? Хороший щелбан и — дело в шляпе. Даже лучше, чем уколы. Идем.

Мы направились в конец двора и зашли за кусты.

— Нет, — сказал я. — Щелбанами шишку не набить. Вот если бы нас Василий Алексеев пару раз щелкнул, тогда б другое дело.

— Ну давай как-нибудь по-другому, — согласился Генка.

— Придумал! — сказал я. — Ботинком надо попробовать. Он и мягкий и в то же время твердый.

Генке моя мысль понравилась. Мы сняли по ботинку и внимательно их осмотрели. Каблук моего показался нам подходящим. Острые края уже подносились. И резина в самый раз. Средней жесткости. Генка сел на ящик, стиснул зубы и зажмурился.

— Давай! — сказал он.

Но легко сказать «давай». Попробуй-ка вот так, ни за что, ни про что треснуть своего приятеля башмаком по лбу.

— Не могу, — сказал я. — Рука не поднимается.

— Трус, — сказал Генка. — Иди тогда пиши контрольную и получи два очка.

Напоминание о контрольной оживило меня. Я размахнулся и довольно крепко шлепнул Генку по лбу.

— Молодец! — крикнул он и схватился за голову.

Но тут же он вдруг встал и медленно опустил руки.

— Гена, ты чего? — спросил я. — Очень больно?

Но он молчал и только таращил глаза. Я почувствовал что-то неладное и обернулся. Позади нас стояла завуч Нина Сергеевна.

— Ничего умнее вы, конечно, придумать не могли, — строго сказала она. — Что за дикие игры такие?

Мы понуро молчали. Не скажешь же ей, что мы каблук прибавали.

— Ну вот что, друзья, — сказала Нина Сергеевна. — Сейчас марш на урок, а после занятий зайдете ко мне. С дневниками.

— Влипши, — сказал Генка, когда мы поднимались в класс. И тут я заметил у него на лбу шишку.

— Гляди, Генка, — сказал я, — шишка-то выросла. Большая.

Но он только махнул рукой.

— Кому она теперь нужна, эта шишка. Дай-ка лучше пятак приложить.

А в классе мы узнали, что контрольную перенесли на завтра.

РАВНОВЕСИЕ ИЛИ ВЗРЫВ

Виталий ТАНАСИЙЧУК

Рисунки О. Зуева

Есть такое выражение — «грозные явления природы». Так обычно называют что-то величественное, гигантское, страшное — например, землетрясения, смерчи, ураганы. А вот может ли быть грозным явлением природы кролик — симпатичный, пушистый зверек? Или улитка? Или бабочка? Что общего у них с землетрясением, или тайфуном, или со взрывом? Разве может «взрываться» живая природа?

ТЫСЯЧИ ТОНН НАСЕКОМЫХ

Это случается только весной, где-нибудь в Эфиопии или Ираке. Пройдут дожди, зазеленеют обычно рыжие и сухие склоны гор. И откуда-то появляются полчища крохотных — всего в несколько миллиметров длины — кобылок. Сначала они незаметны среди трав, но очень быстро растут.

И недели через две уже кишат в траве. А потом трава исчезает — она вся съедена. А ручейки насекомых текут вниз, к реке, к деревням, садам и полям. И цветущие долины в несколько дней становятся серыми, как зимой. И тогда саранча взлетает.

Миллионы и миллиарды насекомых движутся огромными тучами. Если туча опускается на сады — ветки трещат под тяжестью насекомых и отовсюду слышится однотонный хруст. Это работают челюсти. За считанные часы, а то и минуты разоряются целые районы. Людей ждет голод.

Не правда ли, эта неожиданная и мощная вспышка численности насекомых похожа на взрыв?

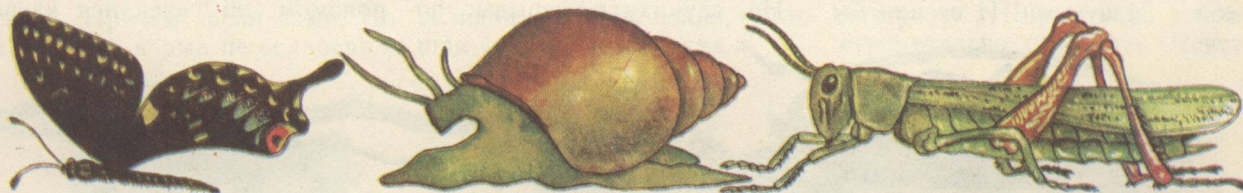
А неожиданна ли она? Если как следует приглядеться, видишь: перед этим была мягкая зима, и отложенные яйца саранчи не заплесневели. Их

почти не повредили другие насекомые, а отродившимся личинкам было достаточно пищи. Поэтому и возник взрыв. Но там, где энтомологи постоянно следят за численностью саранчи и не дают ей размножаться — это бедствие уже забыто.

Но не только на юге случаются нашествия живых существ.

ЛЕММИНГИ ПЛЫВУТ В ОКЕАН

Представьте себе суровую природу Северной Норвегии, тундру и горы, изрезанные глубокими заливами — фиордами. И по этой тундре катятся рыжевато-бурым ковром несметные полчища небольших грызунов — леммингов. Обычно скрытные и боязливые, выходящие из своих норок только к вечеру, они стали неузнаваемы. Они не боятся никого и ничего.

Храбро бросаются и на людей, и на животных. И как будто не обращают внимания на множество хищных птиц, песцов, волков, следующих за ними. Лемминги движутся на запад и только на запад. Идут днем и ночью. Переплывают реки и озера. А когда доходят до моря — плывут по нему. Известен случай, когда по фиорду целых полчаса двигался паролет среди огромной стаи леммингов.

В конце концов почти все они гибнут, а оставшиеся снова становятся боязливими спокойными зверьками.

В чем дело? А просто в предыдущем году было много корма и не так много хищников. Так что причина массовых появлений — «взрыв численности» — саранчи и леммингов — одна и та же.

В школьном учебнике зоологии есть такой пример: потомство одной бабочки лугового мотылька съедает за лето 9 тонн растений! А взять обычную комнатную муху? Она за свою короткую жизнь откладывает 2000 яиц! И в год имеет около 8 поколений! Так вот, если бы все ее потомки выжили, то к концу года мы получили бы такое количество мух, которое можно выразить двойкой с 24 нулями! И весили бы

все эти мухи в миллионы раз больше, чем все человечество.

Цифры эти поразительны и чуточку смешны. Невозможно даже экспериментально, в лаборатории, создать условия, чтобы выжили все личинки мух. Что уж говорить о природе, где за каждым живым существом охотится множество врагов. Где для него могут быть губительными и перемена температуры, и дождь, и засуха, и болезни. Биологи считают — все эти явления создают своеобразный «пресс», который «давит» на каждый вид животных или растений и сдерживает их. А когда возникают благоприятные условия, «пресс» этот ослабляется и происходит так называемый экологический взрыв.

В дикой природе, без вмешательства человека, эти взрывы обычно гаснут сами собой. Предположим, случится «мышинный год». Хищники, поедающие мышей, пируют. У них в такой год гораздо больше детенышей и птенцов, никто из них не гибнет от голода. К концу лета, а в крайнем случае будущей весной мышей становится меньше, чем обычно. Таким образом природа сама уравнивает свои веса.

Но случаются взрывы, по-

следствия которых растягиваются на много лет, порой, на целые столетия. И чаще всего эти взрывы невольно вызывает человек.

ПОЛОСАТЫЙ ЛАКОМКА

Жил в Америке, в Скалистых горах, один жук из семейства листоедов. Был он довольно элегантен — рыжевато-серый, с десятью черными полосками. Питался листьями дикого паслена и был известен лишь специалистам-энтомологам. Но вот в середине прошлого века в штате Колорадо стали выращивать картофель, который является ближайшим родственником паслена. Полосатый жук попробовал листья картофеля — понравилось. И тогда за двадцать лет полосатый лакомка захватил почти весь восток Соединенных Штатов. Он истреблял картофель так основательно, что фермеры начали сомневаться: стоит ли разводить картошку.

После первой мировой войны с грузом картофеля жук проник во Францию. К пятидесяти годам захватил почти всю Европу.

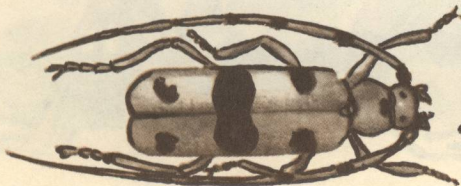
Правда, различными мерами борьбы потери от колорадского жука удалось значительно уменьшить. И все-таки он остается самым серьезным вредителем.

В чем дело, почему так происходит?

Дикий паслен в природе никогда не растет большими массивами, как картошка, и это не давало жуку возможности развернуться. Вдобавок у него оказалось мало естественных врагов. А это — очень важный фактор.

ОШИБКА ПРОФЕССОРА ТРУВЕЛО

Он был не биологом, а астрономом, но увлекался изуче-

напротив — все усиливался. Ученые объяснили это явление. В Европе непарный шелкопряд существовал издавна. У него здесь имелись многочисленные враги, которые и были тем «прессом», что сдерживал вредителя. А в Америке врагов таких не было. Их пришлось завозить, чтобы хоть в какой-то степени исправить ошибку профессора Трувелло.

ВЕЛИКАЯ КРОЛИЧЬЯ ВОЙНА

Экологические взрывы, по неведению вызванные человеком, случались на всех континентах. Но, пожалуй, Австралии «везло» больше всего. Дело в том, что ее природа очень своеобразна. Нет крупных хищников — кроме собаки динго, — и многие переселенцы с других материков чувствуют себя более чем уютно. Особенно хорошо живется в Австралии кроликам, о которых австралийцы говорят, что они «съели овец».

Кроликов привезли в Австралию около ста двадцати лет назад, чтобы развести как охотничью дичь. Привезли только несколько пар, но... через пятьдесят лет их стало несколько сот миллионов!

Овцеводы пришли в ужас: ведь десять кроликов съедают столько травы, сколько одна овца.

Число овец в Австралии упало с 15 до 7 миллионов.

Что только не пытались с ними делать! Стреляли, травили, построили даже проволочный забор через всю страну. Одно время их почти всех удалось истребить, заразив вирусной болезнью. Но потомки переболевших и выживших кроликов оказались невосприимчивыми к вирусу.

До сих пор, с переменным успехом, продолжается эта великая кроличья война, поглощающая огромные средства.

ВЗРЫВ ПРОТИВ ВЗРЫВА

Экологические взрывы происходят не только с животными, но и с растениями.

Американский кактус Опунцию привезли в Австралию как декоративный цветок. Фермерам нравилось, что из этого кактуса можно выращивать прекрасные зеленые изгороди, через которые не пройдет ни одна овца или корова. Эти изгороди сажали вокруг многих пастбищ, не подозревая, что кактус может захватить их. К началу нашего века он отнял у австралийских фермеров четыре миллиона гектаров пастбищ.

И тогда против этого экологического взрыва был использован другой взрыв. В Южной Америке ученые нашли бабочку — красную огневку, ее гусеницы питаются кактусами.

Срочно несколько граммов яиц кактусовой огневки послали в Австралию.

То, что произошло потом, можно сравнить с лесным пожаром.

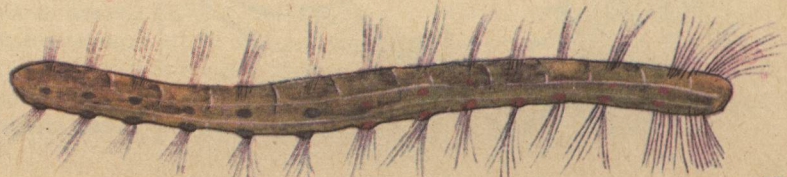
Бабочки размножились в невероятном количестве. Они тучами летали в зарослях кактусов. И кактусы стали стремительно отступать. Через

нием насекомых. Ставил опыты с тутовым шелкопрядом, из коконов которого делают шелк. Трувелло хотел вывести новую породу, гусеницы которой питались бы листьями не только тутового шелкопряда, но и обычных лесных деревьев. Поэтому он решил скрестить тутового шелкопряда с непарным, который в Америке отсутствует. Трувелло выписал из Европы непарного шелкопряда и в своей лаборатории, в маленьком городе Медфорд, вывел из них гусеничек. Новорожденные были легки, как пушинки, и порыв ветра унес нескольких из окна.

Прошло двадцать лет. Профессор Трувелло умер, давно забыли о его неудавшихся опытах. И вдруг — Соединенные Штаты содрогнулись от колоссального по силе экологического взрыва.

Сначала множество невиданных гусениц истребило всю листву в садах и лесах вокруг Медфорда. Удивительно прожорливые, с длинными волосками на теле, они оказались ядовитыми и вызывали отчаянный зуд.

В Европе тоже случались «вспышки» непарного шелкопряда. Но, как правило, быстро гасли. Причем гасли сами. Но в Америке взрыв не ослабевал,

три года во многих районах просто исчезли.

У этой истории благополучный конец. К сожалению, не все подобные истории кончаются так счастливо.

ПРЕКРАСНОЕ ЧУДОВИЩЕ ИЗ ФЛОРИДЫ

В тропиках Южной Америки, в Венесуэле и Бразилии, растет удивительно красивое водное растение с голубыми цветами — водяной гиацинт. И однажды один флоридский декоратор украсил этим цветком павильон выставки, которую ему поручили оформить.

Увидев красивый цветок, многие посетители выставки стали брать отводки, чтобы высаживать водяной гиацинт в прудах и речках перед своими домами.

И что же? Через несколько лет он закупорил во Флориде несколько рек!

А тем временем любители-цветоводы развезли его по всему миру. Гиацинт попал на Цейлон и в Южную Африку, в Австралию и Египет.

О том, как относятся теперь к нему люди, легко догадаться. В Бангладеш его зовут синим дьяволом. В Индии — бенгальским ужасом. В Южной Африке — флоридским чудовищем.

Этот красавчик пытается остановить Миссисипи и притоки Амазонки, Ганг и Замбези. Задерживая течение рек и даже закупоривая их, он останавливает судоходство, делает невозможным орошение, создает все условия для размножения комаров и других переносчиков болезней.

Но почему он не закупоривает Ориноко — реку, с которой его когда-то вывезли? Очень просто — там водяным гиацинтом с удовольствием питаются дюгоны — огромные водные млекопитающие. Они-то и не дают «синему дьяволу» свободно размножаться в Ориноко. А в Миссисипи и на Ганге дюгоней нет. И доставить их туда немножко сложнее, чем переслать в маленьком пакетике яйца кактусовой огневки.

* * *

Живая природа находится в равновесии. И равновесие это кажется нам вечным. Еще бы — оно возникло за миллионы лет развития земли! Но в действительности оно гораздо более хрупко, чем кажется. Поэтому, вмешиваясь в жизнь природы, изменяя ее, мы должны изучать и предвидеть возможные последствия. Иначе снова и снова целые страны и континенты будут дрожать от неслышного грохота экологических взрывов.

ШКОЛА
БУДУЩИХ ЧЕМПИОНОВ

МУШКЕТЕРЫ

С ПРОСПЕКТА

КОСМОНАВТОВ

Дежурных при входе не было. И если бы я пришел не за полчаса до начала, а в 17.00, как было указано в приглашении, я бы просто ничего не увидел. Простоял бы за чьими-нибудь спинами в коридоре или с улицы в окна заглядывал.

В помещении оставались свободными только длинная, очерченная белой краской дорожка, покрытый красной материей стол и четыре стула, когда звонкий мальчишеский голос возвестил:

— Именем совета капитанов всех мушкетерских войск посвящение в мушкетеры начать!

И сразу же по обеим сторонам дорожки, во всю длину зала, выстраивается почетный караул. Мгновение — и вскинутые вверх шпаги застыли торжественно и сурово. И тишина — такая, что каждый может услышать, как стучит его сердце.

Но вот за столом появляются четыре капитана мушкетеров. Со шпагами, в камзолах

и ботфортах, они снимают свои широкополюе шляпы и, прежде чем сесть, кланяются присутствующим, не скрывая довольных улыбок.

А знакомый голос продолжает:

— Юрий Лозовский, совет капитанов вас ждет!

И, четко печатая шаг, в сопровождении оруженосцев, к столу подходит высокий мальчишка и произносит слова присяги:

— Вступая в ряды мушкетеров, клянусь быть честным и смелым, настойчиво тренироваться и выполнять все приказы совета капитанов.

Клянусь, что девиз клуба — «Родина, отвага, честь!» — будет девизом моей жизни!

Потом Юра опускается на левое колено, а капитан мушкетеров — трехкратный олимпийский чемпион Эдуард Винокуров касается шпагой его плеча.

— Отныне ты — мушкетер! — говорит Эдуард Винокуров и вручает Юре личное оружие и личный мушкетерский знак.

— Ладно, ладно, не восхищайтесь, — спокойно отвечал мне на следующий день Александр Николаевич Ветров, старший тренер ленинградского спортклуба «Мушкетер». — Праздник есть праздник: краски, эмоции и тому подобные вещи. Лучше запомните: таких праздников было у нас всего шесть — по одному в год. Все остальные дни — это рабочие будни: тренировки, тренировки, тре-

нировки. А главный наш принцип таков: перспективных ребят нет. Поэтому принимаем всех, кто хочет заниматься.

— Но ведь желающих очень и очень много?

— Как вам сказать... С одной стороны, действительно много. Но кого? Мечтающих сразу же стать чемпионами! А тех, кто готов трудом и упорством добиваться намеченной цели, уверяю вас, значительно меньше. Сегодня у нас в клубе двести пятьдесят человек. В основном — ребята средних и старших классов. Но есть и совсем малыши, третьеклассники Юра Поляков, Ира Лаздина, Таня Веселовская... Ребята — ростом не больше рапиры.

— Значит, вы и девочек принимаете?

— А кто сказал, что рапира — не девчачье дело? Видели бы, как ведет бой наша Горшенина Маша. В прошлом году на Всесоюзной Спартакиаде школьников вошла в пятерку сильнейших рапиристок.

— Пожалуйста, объясните: в клубе занимается двести пятьдесят человек, а в мушкетеры вчера посвящали только десять ребят. Почему?

— Такова традиция клуба. Только лучшим из лучших присваиваем звание мушкетера. Совет капитанов считает: важны не только спортивные успехи, но и моральные качества юных спортсменов. Какой же ты мушкетер, если подвел свой пионерский отряд, не смог помочь товарищу, нарушил данное слово? Или не умеешь быть по-настоящему смелым и справедливым?

— А были такие случаи, когда мушкетер не оправдал свое звание?

— Нет, не было. А примеров безупречного поведения, настоящей доброты и мужества сколько угодно. Вот самый последний. На городских соревнованиях по фехтованию наш Сережа Ляпунов получил травму: во время атаки случайно вывихнул ногу. И, конечно, имел полное право сойти с дорожки и обратиться к врачу. Но Сережа никому ничего не сказал и, сжав губы, продолжал и выиграл бой. И лишь потом, когда он поднимался на пьедестал почета, мы поняли, что произошло.

— Александр Николаевич, вы, наверное, забыли, но шесть лет назад мы с вами встречались. Вы мне тогда тетрадку показывали, где на страничках, в самом верху, было написано только по одной строчке: «воспитанники, имеющие второй юношеский разряд», «воспитанники, имеющие первый юношеский разряд» и так далее. А в самом конце тетрадки — «мастера спорта», «мастера спорта международного класса», «заслуженные мастера спорта».

— Почему забыл? Помню, как вы снисходительно улыбались, глядя на эти чистые странички. Да, в ту пору еще ничего не было — ни помещения, ни спортивных принадлежностей, ни самих воспитанников. А сейчас? В клубе уже подготовлено десять мастеров спорта, и все идет как задумано. И еще помню, как ходил я по проспекту Космонавтов, заходил во все дворы и скверы, приглядывался к ребятам. И было тогда нас всего двое — я и песенка. Знаете такую?

*Трусов рождала
Наша планета,
Все же ей выпала честь, —
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!*

— Песенка мушкетеров из пьесы Михаила Светлова «Двадцать лет спустя».

— Совершенно верно. Она стала гимном нашего клуба.

Ю. ФИЛИППОВ

Соревнуются юные ботаники. Справа — судья соревнований, помощник главного лесничего Нина Сергеевна Горбунова

ЗАДАНИЕ, которое получили ребята, называлось как-то непонятно — «рубка осветления»...

Выехали мы рано утром. По узкой извилистой дорожке автобус забрался в самую глубь леса. Ребята построились, чтобы разделиться на маленькие (по три человека) звенья для работы.

Вдруг кто-то, втянув носом воздух, сказал, что пахнет дымом. Оказалось, мы находимся рядом с очагом лесного пожара. Очаг не был еще велик, и пожар какой-то скрытый: на поверхности тлела сухая хвоя. Огня не видно, а самый жар гнезился под корнями большой сосны.

Ребята объяснили мне, что низовой пожар очень опасен,

его трудно заметить вовремя. Он расползается по земле и может охватить большой участок леса. В сухих торфяниках он уходит глубоко под землю, и даже сильный дождь не всегда может его потушить.

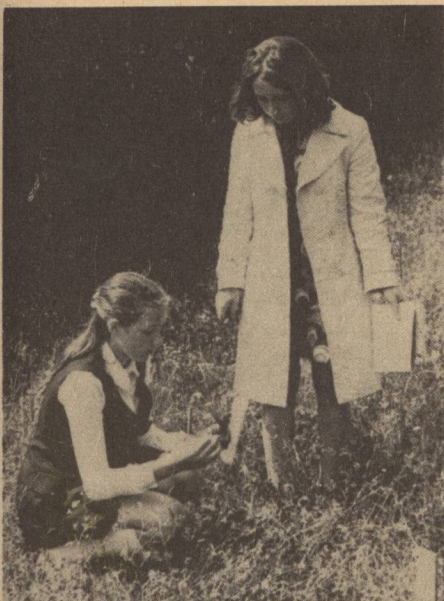
Мальчики изолировали горящий участок от окружающего леса, вырыв защитную канаву. Они ловко орудовали топорами вместо лопат, выбрасывая свежую землю на тлеющую лесную подстилку. Девочки таскали воду в полиэтиленовых мешочках из ближайшей лужи и заливали тлеющие корни сосны.

Пожар загасили. И тогда ребята рассыпались по лесу. Золотой лес зазвенел. Началась работа. Она-то и называлась «рубкой осветления».

ЛЮБИТЬ

И

ОХРАНЯТЬ...

Юные зоологи определяют птичьи гнезда

Такие газеты выпускают юные лесоводы

Дело в том, что мы были в сосняке десятилетнего возраста. Знаете ли вы, какая это долгая и трудоемкая работа — выращивание леса? Десять лет назад эти сосны были крошечными тонкими прутиками с несколькими хвоинками. Тогда их могла заглушить даже трава. Их пропалывали, вокруг них рыхлили землю, оберегали от вредителей. Через пять лет сосенки окрепли, но росли они тесно. Сделали прочистку, то есть убрали слабые деревца, чтобы остальным стало просторнее. Прошло еще пять лет. За это время в рядах сосен появились тонкие деревца ивы и березы. А они отнимают у сосен и свет и питание... Потому сегодня и пришли сюда ребята с топорами. И еще

многие годы будут приходить, чтобы осветлять, прочищать и прореживать, пока, наконец, сосновые посадки не станут взрослым красивым сосновым лесом...

Мальчики работали топорами, вырубая в рядах молодых сосенок прутики лиственных пород, а девочки подбирали вырубленные деревца.

Работали ребята со знанием дела. Когда Света показала на оставшийся в чистом уже ряду куст шиповника: «Его тоже вырубить надо!», Сережа сказал: «Шиповник — это подлесок, его нужно оставить...»

К концу дня сосновый молодняк повеселел, расправил ветки — легче ему стало дышать!

А когда к вечеру автобус повез нас из леса, сосны и кедры приветливо взмахивали ветками, а березы при дороге осыпали нас золотом листьев...

Рассказали мы вам об одном дне работы ребят из десятой школы города Кушвы. Школа эта входит в межшкольное лесничество «Урал». А лесничество «Урал» удивительно своими делами.

Представьте себе, что наше государство доверило ребятам шесть тысяч с лишним гектаров леса!

Что такое один гектар? Положите рядом четыре футбольных поля, и они займут площадь размером приблизительно в один гектар. А теперь подчитайте, сколько футбольных полей можно построить на площади в шесть тысяч гектаров. Теперь засадите-ка лесом эти тысячи полей. Вот какой получится лесище!

И удивительные ребята есть в Кушве. К примеру, лесовод-опытник Галя Скулкина. Галя работает в лесничестве школы № 3 и участвует в опытах по прививке кедр на сосну. Дело в том, что кедр очень долго взрослеет и поздно начинает плодоносить, не то что сосна. Прививая кедр на сосну, ускоряют сроки созревания орехов. Тех самых кедровых орешков, которые все так любят шелкать

и которые очень нужны нашему хозяйству. За отличную работу Галя наградили путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Орленок».

Или вот Толя Помыткин. Он тоже из третьей школы. С седьмого класса Толя был членом бюро технической информации, а в прошлом году его назначили «директором» межшкольного лесхоза. Кстати, в лесхозе «Урал» по штату есть и «главный лесничий», и «зоологи», и «фенологи», и «инженеры» — как в настоящем государственном лесном хозяйстве.

Наташа Рогоза.

Она «главный зоолог» школьного лесничества. На областном конкурсе юных зоологов заняла второе место...

А Света Маркушенко учится в шестом классе и в школьном лесничестве только начинает работать. Но Света уже выбрала свое главное дело — будет заниматься выведением новых пород деревьев...

Вот какие ребята в лесничестве «Урал».

Э. КРЫЛОВА

ИЗ ОТЧЕТОВ МЕЖШКОЛЬНЫХ ЛЕСНИЧЕСТВ:

«...Летом 1976 года ребята провели операцию «Родничок». Очищено 80 родничков».

«...Проведена операция „Муравей“ — учет и охрана всех муравейников в лесничестве „Урал“».

«...Проведены различные опыты: по выращиванию сеянцев сосны под пленкой, по прививке хвойных пород, по исследованию влияния травяной вытяжки на приживаемость сирени...»

«Пионеры и комсомольцы выполнили большое количество различных работ в лесу, начиная от посадки и ухода за молодняком и кончая рубками просек...»

«...Маяком в лесхозе „Урал“ является лесничество школы № 10. Ребята этой школы посадили новые леса на площади в 120 гектаров...»

СОВЕТЫ МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

Смотри, какие игрушки мне подарили: мягкие, смешные. Их четыре. Я научила четверых ребят делать такие игрушки. Вот они и подарили мне каждый — свою.

Как ты думаешь, кто из них какую игрушку подарил? Можно догадаться по выкройкам. Это не очень трудно. Труднее догадаться, кто сделал зверюшку-подушку.

Если игрушки тебе нравятся, попробуй взяться за дело. Постарайся понять, с чего начинать работу, как ее вести. Только не торопись. Проследи, какую деталь с какой сшивать. Как складывать детали, лицевой стороной или изнаночной.

Можно сшить сразу все швы. Но бывает, что нужно оставить отверстие, например, на животе зверюшки. Потом вывернешь оболочку и набьешь ватой или старыми тряпочками.

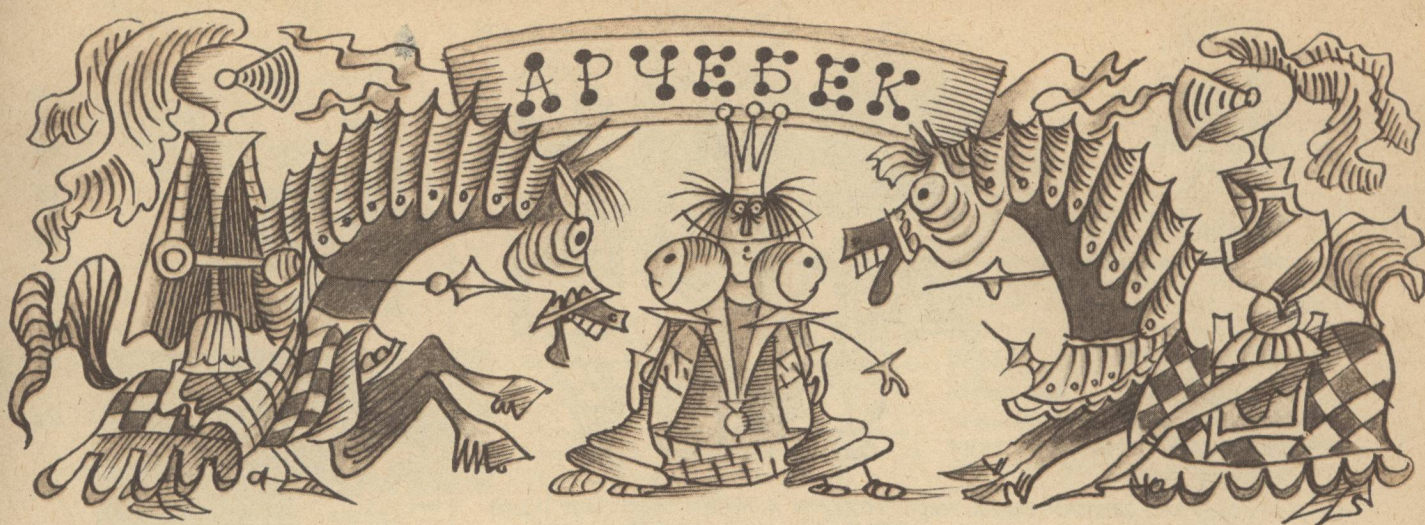
Для некоторых зверюшек очень подходит старый поролоновый коврик, свернутый трубочкой.

Размеры на чертежах я не поставила нарочно. Будешь перерисовывать выкройку на большой лист бумаги — сделай ее такой величины, какая тебе нужна. Смотря сколько у тебя ткани. Цвет глаз и ушей — тоже на твой вкус.

Когда сделаешь несколько зверюшек, можешь взяться за самую интересную работу: придумай и сшей зверя совсем новой породы!

Оформление
О. Филипенко

Рисунки Г. Ясинского

ЧЕМПИОНАТ-77

Сегодня — третий тур. Каждый рыцарь сможет завоевать еще 10 очков, приближающих его к финалу.

Вот что ожидает шахматистов —

А. Белые: Крг8, Фе1, Лд3, Ке6; черные: Крf5, п. f6. Мат в 2 хода.

Б. Белые: Крс3, Лf1, Чh7, Кс6, пп. с5, d4; черные: Кра8, п. d5. Мат в 3 хода.

Шашки ждут такие концовки —

А. Белые: b4, c5, d4, e5, g5, h6; черные: a3, e7, f6, f8, g7, h4. Выигрыш.

Б. Белые: a3, a5, b2, d2, e1, e3, f2, g1, g3, h2; черные: c5, c7, d6, d8, e7, f6, g5, g7, h4, h8. Выигрыш.

Автор шахматных задач Александр Гришин (Ермоловка), автор шашечных концовок Валерий Пириуткин (Ростов-на-Дону).

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ!

Внимание: боевое задание!

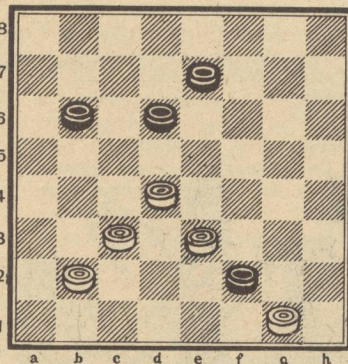
Расставь фигуры — белые: Кра1, Cd7, Кb7, п. b2; черные: Крb3, Фd5. Твой белый, твой король загнан в угол, и противник торжествует — он уверен, что вот-вот объявит мат. Но ты не сдаешься. Ты думаешь, думаешь... И вдруг видишь: есть замечательный ход, после которого ты уничтожишь черного ферзя! Твоя победа! Как же ты выиграл? Покажи.

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

«Недавно я прочитал, что в шашках есть какое-то „правило турецкого удара“. Но пояснений не было. Я многих спрашивал — никто об этом не знал. Что это за правило?» — пишет рыцарь Костя Муратов из Пензы.

— Да, такое правило в шашках есть, — отвечает гроссмейстер Вениамин Городецкий. — Оно состоит из двух частей: а) при взятии побитые

шашки можно убирать с доски только после окончания удара, б) при взятии нельзя дважды перескочить через одну и ту же шашку.

Вот концовка ленинградца Н. Митрофанова. Ее решение основано на первой части правила турецкого удара. Как белым выиграть? Черных хоть и меньше, но они сейчас поставят дамку... Может быть, пойти 1. d4—c5? Нет, после d6:f4 2. g1:g5 e7—d6! выигрыша не добиться.

И все же победить можно. Нужно пойти 1. e3—f4! Да, именно такой ход, принуждающий черных идти в дамки, приносит победу! 1... f2—e1. А теперь 2. g1—f2! И неважно, что черные бьют e1:a5, так как следует 3. b2—c3! и дамка обязана бить — a5:e5 (но не может, продолжая удар, побить шашку d4, ибо мешает простая с3, которая до окончания взятия должна оставаться на доске).

А вот случай применения второй части правила турецкого удара. Белые: пр. с3, d4, e3, e5, f2, f4; черные: Д. f8, пр. b6, d8, g7, h6. Казалось бы, положение белых плохое, а на самом деле они выигрывают: 1. e5—d6! Как должна бить черная дамка? f8:e5 и тут остановиться, так как двинуться дальше мешает уже побитая (но не

снятая с доски!) шашка d6 — перескакивать через нее дважды нельзя. После этого следует 2. d4:h8 и — победа белых.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Рискуете ли вы потерять турнирные очки при решении задач в этой кабине? Конечно, нет: ведь она тренировочная!

Сегодня проводит тренировку рыцарь Олег Шалыгин из Первомайска. В обеих его задачах — мат в 3 хода.

№ 1. Белые: Крb6, Ле7, Ка5, п. с5; черные: Кра8, Ка6, п. b7.

№ 2. Белые: Кре3, Фh4, Кf2; черные: Крг1, пп. g2, g3, h5, h7.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Лb2! и у черных нет защиты от мата (проверь это!). Б. 1. Фg7! и мат черным обеспечен (проверь!). **Шашки.** А. 1. ab4! 2. g5! 3. c5 4. e3X. Б. 1. cd6! e:e3 2. d6! 3. h2X.

Оруженосцам. Шах: 1. Фа8+, или 1. Фа1+, или 1. Фb2+. Мат: 1. Фh2X. Пат: 1. Крг6 — пат (ничья).

Рыцари (и оруженосцы) должны завести «Листок учета» и записывать туда по 5 очков за каждую верно решенную задачу чемпионата (турнира оруженосцев). Как сделать «Листок учета»? Это надо придумать самому.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Участникам чемпионата рыцарей и участникам турнира оруженосцев отправить рапорты до 1 мая.

§2. Рапорты писать на открытке и не вкладывать ее в конверт.

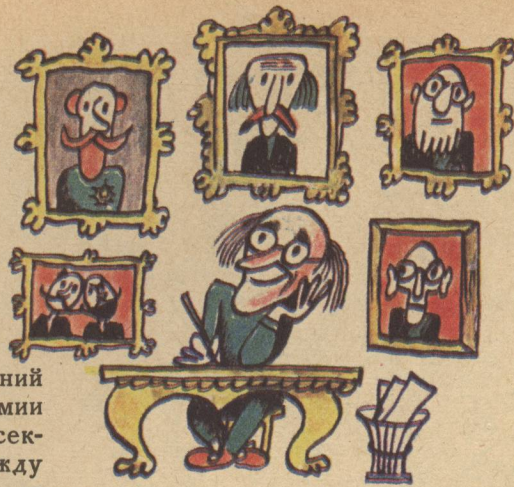
§3. В левом верхнем углу открытки указать номер приказа и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьберн

Рисунки
М. Беломлинского

На одном из заседаний французской Академии наук ее непременный секретарь Фонтенель между прочим сказал:

— Мне девяносто четыре года, и у меня нет ни одного врага.

Фонтенеля уже начали было хвалить за миролюбивый нрав, но он добавил:

— Да, ни одного. Я пережил их всех.

Самое короткое в жизни письмо Лев Николаевич Толстой написал ученику Федорову, который спрашивал, где ставить ударение в фамилии Ростовы.

Вот это письмо: „Ростóвы. А. Т.“

Английская писательница Агата Кристи так говорила о своей долгой и счастливой семейной жизни:

— Мой муж археолог и любит иметь дело с древностями.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный доктор республики	2
повесть С. Ласкина	
Свеча	15
стихи Миртемира	
Барабан	16
журнал юнкоров	
Зеленые страницы	20
пионерский поиск	
Красный галстук — на всю жизнь	22
Машины в облаках	24
очерк В. Стругацкого	
Этих дней не смолкнет слава	26
Пингвиненок	30
повесть Л. Семенова-Спасского	
Рабочая азбука	42
беседа фрезеровщика С. Ф. Козлова	
Сказки детей Павлышской школы	45
Морская газета	48
Лыжный курьер	50
рассказ Б. Штейна	
Два букета	52
очерк С. Сапроненко	
Шашка	53
рассказ Н. Федорова	
Равновесие или взрыв	55
очерк В. Танасийчука	
Школа будущих чемпионов	58
Зеленый наряд Отчизны	60
очерк Э. Крыловой	
Советы Маши-искусницы	62
Арчбек	63
шахматы, шашки	

На обложке рисунок
Дзовинар Бекарян „Весна“

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-26281. Слано в набор 3|XI 1976 г. Подписано
к печати 31|I 1977 г. Формат 60×90 мм.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 570 000
экз. Заказ 3555. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, ул. Мира, 3.

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

Остановка третья.
Узбекистан

Погода не каждый день былалетней. Экспедиции приходилось использовать хитроумные средства передвижения, предложенные читателями: то трактолет Томилиа Серегина из Ташкента, то бездорожный велосипед Аркадия Раенкина из Душанбе. Бодрость духа поддерживали шутивными загадками. Например, загадкой Али Айдиновой из Петропавловска Северо-Казахстанской области: «Что находится между горами и пустыней?»

Но вот ковер-самолет приземлился в Ферганской долине, где как раз в это время археологи производили раскопки. На ковер-самолет вскоре выкатился из-под земли старинный сосуд. Украшения на нем точь-в-точь походило на чайнворд, составленный Мариной Ивановой из города Хамза Ферганской области. Вот этот чайнворд, все слова которого — мифологические имена:

С — существо, задающее загадки.
С — существо с приятным голосом.
А — утренняя заря. А — великан,

поддерживающий небо. Т — исполин. Н — бог моря у римлян. Н — речное божество. А — бог войны у греков. Порадовавшись находке, экспедиция решила подкрепиться чашкой горячего зеленого чая, разумеется, несладкого. В местной чайхане произошла удивительная встреча.

На почетном месте в чайхане восседал незнакомец, назвавшийся самим Ходжей Насреддином, бессмертным героем узбекских и таджикских легенд. Узнав о целях экспедиции, он тут же рассказал для любителей головоломок две истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Лет триста-четыреста тому назад меня призвал к себе эмир бухарский и поведал мне о том, что его шлепанцы, украшенные драгоценными камнями, похищены. По моей просьбе пять визирей эмира, которые по своему высокому положению стояли ближе всего к шлепанцам, дали по три показания. Вот их запись:

Визирь Мохаммед: 1. Я не брал шлепанцев. 2. Я ничего никогда не крал. 3. Шлепанцы украл почтенный визирь Али.

Визирь Али: 1. Я не брал шлепанцев. 2. Шлепанцы украл почтенный визирь Гарун. 3. Почтенный Мохаммед нагло лжет, что я украл шлепанцы.

Визирь Гарун: 1. Я не брал шлепанцев. 2. Шлепанцы украл почтенный визирь Рашид. 3. За меня может поручиться почтенный визирь Омар, ибо мы с ним друзья.

Визирь Омар: 1. С почтенным Гаруном я уже пять лет не здороваюсь. 2. Шлепанцев я не брал. 3. Их украл почтенный визирь Али.

Визирь Рашид: 1. Клянусь Аллахом, не брал шлепанцев. 2. Клянусь Аллахом, у меня своих шлепанцев сколько угодно. 3. Клянусь, что Гарун знает, кто украл шлепанцы.

Я сразу понял, что из каждых трех показаний два соответствуют истине, а одно — лживо. Поняв это, я определил, кто из визирей украл эмировы шлепанцы.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Много раз я удивлял добрых людей таким фокусом. Я отворачивался и просил бросить три игральные кубика. Затем — подсчитать, сколько всего очков выпало на верхних гранях всех трех кубиков. Затем — поднять один кубик и прибавить к предыдущей сумме число очков на его нижней грани. Наконец, положить кубик на место и прибавить к полученному числу число очков на верхней грани этого кубика.

После этого я поворачивался лицом к кубикам, бросал на них мимолетный взгляд и, к удивлению собравшихся, угадывал, какое в итоге получилось число.

Ходжа Насреддин добавил, что мог бы раскрыть секрет фокуса, но не станет этого делать. Он верит в смекалку читателей «Костра».

Чтобы раскрыть секрет, нужно изучить развертку игрового кубика, изображенную на рисунке.

Экспедиция поблагодарила Ходжу Насреддина и незамедлительно двинулась дальше.

ОТВЕТЫ

НА ЗАДАНИЯ № 2:

1. Верблюд нес пять мешков, осел — семь.

2. Оба идут на одинаковом расстоянии от Теджена.

3. Секрет игры: первый играющий может взять 1, 2 или 3 камня, оставив 12, 11 или 10 из 13 камней. Второй играющий берет соответственно 3, 2 или 1 камень, чтобы оставить первому 9 камней. Затем, в зависимости от того, 1, 2 или 3 камня берет первый играющий, второй играющий берет из оставшихся 8, 7 или 6 камней: столько, чтобы оставить 5 камней. Теперь, сколько бы камней ни взял первый играющий, второй играющий оставит ему последний камень, а значит, и проигрывает.

Кстати, если бы игра шла не 13, а 11 камнями, кто, по-вашему при правильном плане выигрывал бы: первый или второй играющий?

Напоминаем, что присылать в редакцию ответы на задачи не нужно. Достаточно заглянуть в следующий номер журнала и проверить свое решение.

25 к.

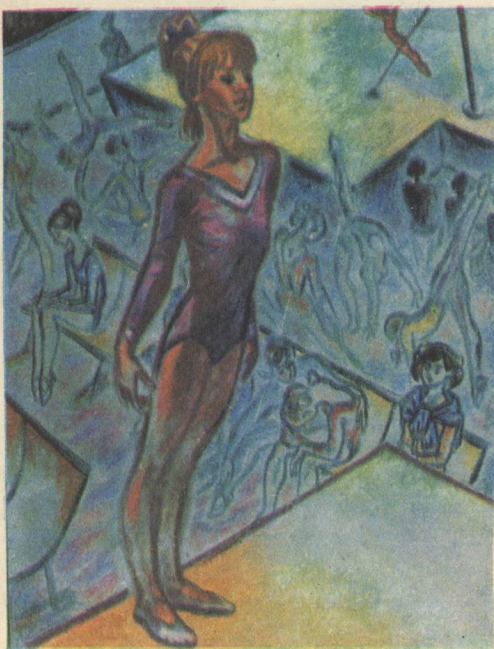
Индекс 70445

НА ВЫСТАВКЕ
„КОСТРА“

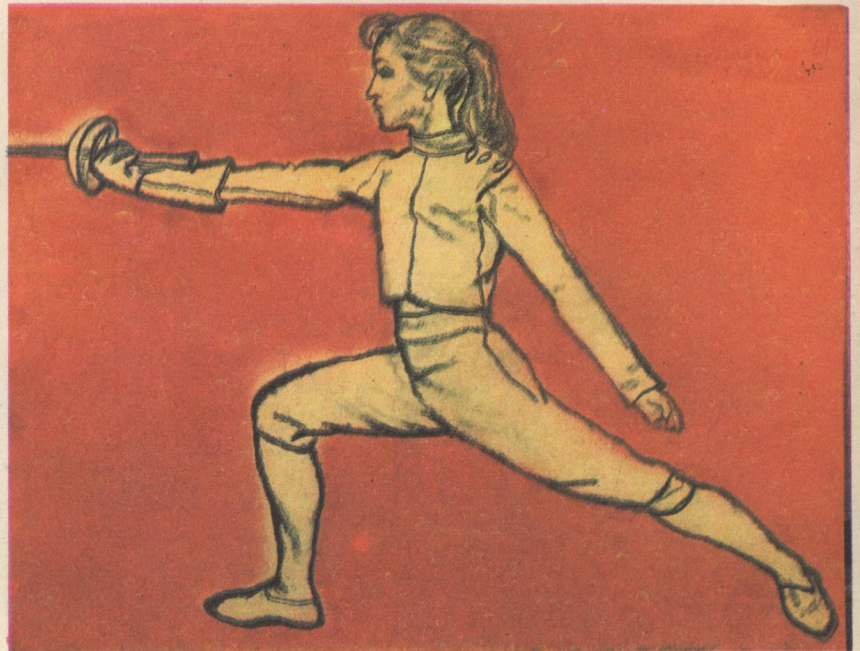
РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ТАТЬЯНЫ ОБОЛЕНСКОЙ

НА БРУСЬЯХ

ГИМНАСТКА

ФЕХТОВАЛЬЩИЦА